

УСЛОВІЯ ПРОГРЕССА ВЪ СФЕРѢ НАКАЗАНИЙ.

Où est la nécessité pour la marche du monde et le progrès de la civilisation, que les hommes se detestent et se déchirent?

P. S. Proudhon.

I.

Вопросъ о наказаніи въ исторіи человѣчества съ первыхъ вѣковъ до настоящаго момента составляетъ тотъ фатальный, міровой вопросъ, который положительно не разрѣшенъ ни человѣческой практикой, ни самой теоріей юридической науки. Но сколько человѣческое чувство ни протестуетъ противъ насилія надъ человѣческою природою, противъ употребленія казней, — безвыходное положеніе общества, въ виду внутренняго индивидуальнаго разлада, принуждаетъ его считать ихъ необходимыми. Старая цивилизація, самая религія санкціонировали и освятили ихъ, а нравственная философія и наука права — старались до послѣдняго времени оправдывать ихъ крайнею необходимостію. Разматривая этотъ вопросъ съ точки зрѣнія юридическихъ теорій, даже самыхъ современныхъ, разматривая его въ практической жизни нашей цивилизованной эпохи, приходишь къ самымъ грустнымъ размышленіямъ. Неужели эшафоты, казни, тюрьмы, какія-бы они ни были, должны вѣчно служить средствами устрашенія и никогда не уничтожатся? Неужели человѣческая цивилизація, несмотря на свои тысячелѣтніе успѣхи, безсильна для облегченія человѣческаго несчастія; гений науки и знанія не можетъ оказать никакой помощи; самый духъ христіанства и братской любви безсильнъ, человѣческое самопожерт-

вованіе тщетно? Неужели палачъ и тюрьма должны быть всегда спутниками людей и бѣдныя созданія на землѣ безъ топора надъ головой, безъ замка темницы никогда не найдутъ себѣ гарантіи покоя, любви и счастья? Мысль страшная и безотрадная! Вотъ тѣ роковые вопросы, которые съиздавна заставляютъ задумываться не одного изслѣдователя. Гдѣ-же искать разрѣшенія этихъ вопросовъ? Изслѣдуя ихъ въ области старой юридической науки и преимущественно въ ея уголовномъ правѣ, мы должны сознаться, что найдемъ мало утѣшительнаго. Наука права до сихъ поръ только оправдывала грубыя практическія наказанія. Въ послѣднее время главныя основы науки права, утвердившіяся на старой идеальной философіи, глубоко поколеблены даже съ точки зрѣнія научной. Успѣхи естествознанія показываютъ вышнія причины, обуславливающія жизнь человѣка. Статистика и исторія пытаются объяснить законы соціального развитія. Научная логика и положительная философія, внося ясную критику въ исторію знанія, вытѣсняють все метафизическое и неподлежащее наблюденію, и опредѣляютъ тѣ границы, гдѣ знаніе получаетъ право положительнаго закона. Наука уголовного права — взлелѣнное дитя — отвлеченной нравственной философіи — раздѣлила ея участь. Ея выводы остались недоказанными, и она разошлась не только съ положительнымъ знаніемъ, опередившимъ ее, но и съ движеніемъ реальной жизни, постоянно отрицавшей ея выводы. Наука о наказаніяхъ поэтому должна искать новаго базиса для объясненія реальныхъ явленій въ исторіи правовыхъ отношеній общества. Явленіе преступленій должно быть изучаемо въ законахъ соціальной жизни людей, обусловленныхъ въ свою очередь законами вышней природы и внутренними фізіологическими законами человѣческой природы. Эмпирическія и грубыя лекарства излеченія общественныхъ болѣзней должны подвергнуться строгой критикѣ; исторія наказаній и ихъ мотивы должны составить предметъ особыхъ историческихъ изслѣдованій, и на нихъ-то и должна опереться вся наука о наказаніяхъ. Потребность такого изученія сознають и современные юристы. „Нѣтъ никакого сомнѣнія, что естественныя науки, говоритъ Миттермайеръ, и въ особенности медицина, своими огромными успѣхами обязаны большею частію тому новому ихъ направленію, которое, при помощи тщательныхъ наблюденій

и собранныхъ опытовъ, вырабатываетъ *положительныя* данныя для опредѣленія самаго существа употребляемыхъ веществъ и ихъ дѣйствія. Еслибы подобнымъ-же образомъ и въ области уголовного права, въ особенности относительно родовъ наказанія, была изслѣдована цѣлесообразность каждаго наказанія, и, на основаніи опытовъ, истинное значеніе наказанія и его дѣйствіе, — тогда уголовное законодательство было-бы согласно съ потребностями и состояніемъ нравственности и могло-бы достигнуть лучшихъ результатовъ“¹⁾. Конечно историческія изслѣдованія о примѣненіи наказаній могутъ оказать въ этомъ дѣлѣ несомнѣнную услугу. Съ ихъ помощью наука уголовного права, какъ средство для облегченія бодрѣней общественнаго организма, получить фактическое и реальное основаніе въ своихъ выводахъ и войдетъ въ рядъ наукъ положительныхъ. Тогда, можетъ быть, мы найдемъ выходъ изъ лабиринта человѣческихъ ошибокъ и выступимъ на новую дорогу съ тѣмъ, чтобы болѣе ужь не возвращаться къ старому. Мы уяснимъ себѣ, чѣмъ была нравственность по понятіямъ древняго общества, въ чемъ заключались средства для ея поддержанія и исправленія ошибокъ и какую печальную услугу оказали человечеству разнообразныя казни и наказанія. Такое изученіе заставитъ насъ отбросить все ложное и предразсудочное въ дѣлѣ наказанія, изобрѣтенное невѣжествомъ первыхъ эпохъ гражданственности и рядомъ метафизическихъ заблужденій... Историческая жизнь народовъ покажетъ, какъ постоянно интеллектуальная часть общества требовала измѣненія пріемовъ наказанія, какъ сама жизнь отрицала старыя опыты и возрѣнія прежнихъ идеалистическихъ системъ, какъ наконецъ, требованія прогресса становились все шире и шире въ послѣдующія эпохи. На эти-то главныя эпохи въ прогрессѣ наказанія мы и хотимъ обратить вниманіе въ нашихъ этюдахъ.

Приступая къ очерку изъ исторіи наказаній, мы должны сказать нѣсколько словъ о зарожденіи самаго понятія о наказаніяхъ. Идея наказанія далеко не была сознательна въ первобытныхъ обществахъ, какъ и въ обществѣ теперешнихъ дикарей. Она выродилась изъ простаго и грубаго животнаго инстинкта, послѣ того какъ начали появляться преступленія, но самыя пре-

¹⁾ Смертная казнь, Миттермайеръ, I.

стунленія имѣли до нея свою исторію и значеніе. Преступленіе явилось само собою прежде чѣмъ организовалось человѣческое общество съ его общежительными инстинктами, съ взаимными связями и договорами. Самыя преступленія въ первобытную эпоху не считались преступленіями, она было дѣломъ борьбы, борьбы за существованіе, войны индивидуума противъ индивидуума и семьи противъ семьи. Это былъ доисторическій періодъ звѣрства, насилія, животной борьбы, когда зло причиняемое другъ другу (преступленіе) являлось результатомъ антисоціальной анархіи и разрозненной животнo-хищнической жизни, какъ только люди сталкивались на тѣсныхъ границахъ для удовлетворенія своихъ потребностей. Слѣды того, что преступленія не всегда считаются преступленіями, а нерѣдко оправдываются въ дикихъ обществахъ, гдѣ соціальныя и между-человѣческія отношенія не пришли въ гармонію, мы замѣчаемъ и въ ордахъ теперешнихъ дикарей. Кража и похищеніе скота у жителей другого аула и племени, у кочевниковъ считается молодецествомъ и признакомъ ловкости, заслуживающими одобренія. Грабежъ и убійство — постоянное явленіе разрозненныхъ родовъ и племенъ враждующихъ между собою. Эта борьба, дробясь въ индивидуальныхъ и семейныхъ отношеніяхъ, въ доисторическомъ обществѣ была еще крупнѣе и зло приносимое другъ другу еще чаще и обычнѣе. Такая борьба постоянно вызвала мотивы гнѣва, возмездія, расплаты. Война за войну, месть за вредъ, „зло за зло“. Это первое и самое простое чувство положившее основу наказанію. Обязанность наказанія за всякую сдѣланную несправедливость принимаетъ на себя не общество, а самъ обиженный, или его родные и близкіе, имѣющіе право на мщеніе. Родственники и домочадцы убитаго считали для себя священнымъ долгомъ отомстить убійцѣ. Обычай кровной мести является такимъ образомъ несвязанный никакимъ закономъ и производитъ внутри самаго племени враждебную изолированность семействъ. Изъ самаго незначительнаго повода возникаютъ кровавыя распри, и убійство свирѣпствуетъ до тѣхъ поръ, пока общее истощеніе силъ не принудитъ къ перемирію. Злоба, породившая убійство, возрастаетъ въ своихъ собственныхъ дѣлахъ до ярости канибала. Для неистовой кровожадности уже не довольно смерти врага: она хочетъ физическаго уничтоженія его тѣла. Врагъ убивается и потомъ

сѣдается или, если ярость уничтоженія достигаетъ высшей степени, онъ пожирается живымъ. „Безъ каннибализма, говоритъ Вундтъ, не обходилось, можетъ быть, естественное состояніе ни одной человѣческой расы“. Надъ плѣнными истощали всевозможныя неистовства. Индѣйцы плѣннаго привязываютъ къ колу, жарятъ его живымъ, прикладывая къ нему раскаленное желѣзо; изъ тѣла вырѣзываютъ куски мяса, голову посыпаютъ горячимъ пепломъ и т. д. Точно также и преступникъ подвергался самымъ жесточайшимъ казнямъ. На островахъ Фиджи преступниковъ въ прежнее время осуждали на пожирание. На о-въ Навуа, цѣлое племя за государственную измѣну было изжарено и сѣдено. Такимъ образомъ идея наказанія далеко не имѣла того чистаго источника, какой приписываютъ ей юристы въ своихъ трактатахъ. Она развивалась не подъ вліяніемъ идеи справедливости, не изъ общественного договора (*contrat sociale*), а изъ грубаго чувства мести. Когда общество начало организоваться, месть составила право власти. Въ патриархальной семьѣ это право принадлежало главѣ семьи, рода, старѣйшинамъ; въ воинственныхъ обществахъ месть составляетъ право вождя и начальника, въ иныхъ мѣстахъ—теократической или военной аристократіи. Сообразно съ понятіями объ общественныхъ интересахъ, начинаютъ сознаться преступленія противъ общества, и право наказывать переносится на общество или государство. Принципъ наказанія является подражаніемъ индивидуальной мести, выполняемой коллективно. „Когда римское общество, говоритъ Менъ ¹⁾, чувствовало себя обиженнымъ, оно прибѣгало къ аналогіи личнаго правонарушенія, выводило изъ нея послѣдствія съ абсолютною буквальностью, и государство отомщало преступнику извѣстнымъ актомъ“. Съ явленіемъ уголовного законодательства принципъ мести входитъ какъ въ римское, такъ и древне-германское право. Самая индивидуальная месть здѣсь узаконяется. ²⁾ Такимъ образомъ грубый мотивъ гнѣва и мести переходитъ изъ первобытныхъ инстинктовъ дикарей въ гражданскія общества, въ уголовные кодексы. Съ явленіемъ языческихъ религіозныхъ понятій та же

¹⁾ Ancien Law, Muen.

²⁾ Въ 12 римскихъ таблицахъ существуетъ *tabio* и наказаніе называется иногда *vindicta*. Германцы при извѣстныхъ преступленіяхъ лишали покровительства законовъ и дозволяли месть. Въ германскихъ капитуляріяхъ преобладаетъ принципъ возмездія.

мечь переносится на божество. Антропоморфированный богъ требуетъ искупленія, наказанія и жертвы для себя. Въ греческой исторіи является специальное божество для исполненія приговоровъ и мести—это Фемисъ (Фемида), чѣмъ выражается понятіе, что приговоры диктуются божествомъ. Эти приговоры изрекаются устами царей или судей. вмѣстѣ съ тѣмъ утверждается взглядъ на необходимость жертвы божеству. Эти понятія, имѣя начало въ языческихъ жертвахъ, варварскихъ обществахъ, переходятъ въ теократическія воззрѣнія римлянъ въ первые вѣка ихъ гражданскаго устройства, когда смертная казнь сопровождалась богослуженіемъ для примиренія съ божествами, разгнѣванными на народъ за преступника. Выполненіе воли божества постепенно переходило на царей и управителей, которые въ первое время даже отождествлялись съ богами и полубогами. Съ установленіемъ древнихъ римскихъ гражданскихъ и уголовныхъ кодексовъ, эти воззрѣнія въ дѣлѣ наказанія, правда, вытѣняются; но древній взглядъ на наказанія снова со всею силою и необузданностію проявляется въ средніе вѣка. Такимъ образомъ, идея древняго наказанія развивается подъ двумя мотивами: подъ вліяніемъ человѣческой мести и подъ вліяніемъ страха быть наказанными за грѣхи преступника божествомъ. Рядомъ съ этимъ зарождается мысль о предусмотрительности въ дѣлѣ преступленія, и общество и государство стараются, кромѣ мести, ввести принципъ *устрашенія*. Мысль эта является изъ того предположенія, что страхъ физическихъ страданій способенъ произвести сильнѣйшее впечатлѣніе на природу человѣка, какъ на животное, и можетъ удерживать отъ совершенія преступленій; на основаніи такихъ убѣжденій, свойственныхъ неразвитымъ и грубымъ обществамъ, построилась вся древняя система наказаній. Какъ дикарь, не довольствуясь смертію врага, требовалъ его мученій, такъ древнее общество и государство вводитъ казни мучительныя, квалифицированныя. Только впоследствии, по мѣрѣ смягченія нравовъ общества, и судопроизводство начинаетъ отрѣшаться отъ страстей и болѣе хладнокровно обсуждаетъ преступленіе и назначаетъ за него наказаніе. Но это хладнокровіе тотчасъ-же смѣняется страстностію, какъ только въ обществѣ начинается борьба партій. Исторія наказаній въ Европѣ вся наполнена подобными колебаніями.

Древнія общества, вводя у себя наказанія за преступленія, обыкновенно начинали съ самыхъ жестокихъ квалифицированныхъ казней, требующихъ предварительныхъ мученій преступника. Употребительнѣйшими казнями до изданія кодексовъ въ римскомъ обществѣ были: сверженіе съ тарпейской скалы, повѣшеніе на arbor infelix, утопленіе въ мѣшкѣ (roena culei), отрубленіе головы, которому предшествовало наказаніе розгами ⁴⁾. Но римская цивилизація не могла оставаться при старыхъ казняхъ. Съ устройствомъ Рима на республиканскихъ началахъ, начинается созданіе прочнаго и болѣе безпристрастнаго законодательства. Римское право впервые разработало юридическія отношенія и послужило основаніемъ для позднѣйшихъ кодексовъ. Въ это-же время являются первыя попытки реформировать судъ и смягчить самыя наказанія. Римская республика ревниво охраняла права своихъ гражданъ и никто изъ нихъ не могъ быть арестованъ безъ приговора суда, что, конечно, доказывало довольно высокое развитіе общества. Самыя уголовныя наказанія для гражданъ Рима примѣнялись только за важныя государственныя преступленія, но и ихъ можно было обойти изгнаніемъ. Въмѣсто sacrationis capitis и другихъ уголовныхъ наказаній изгнаніе стало обыкновеннымъ высшимъ наказаніемъ во время блестящаго періода римской республики. За обыкновенныя правонарушенія (delicta), судимыя преторами, назначались денежныя пени (multa). Злодѣянія (crimina publica) судились особыми преторами съ присяжными изъ народа. Эти судилища уже начинали понимать цѣль наказанія въ огражденіи общества отъ преступника; они стали уже отрѣшаться отъ личнаго чувства мести и жестокости, поэтому чаще всего ограничивались удаленіемъ преступника изъ отечества. Безъ всякихъ философскихъ теорій о существѣ и цѣли наказанія римское общество стало отвыкать отъ приемовъ варварства, но, къ сожалѣнію, гуманныя воззрѣнія республиканскаго законодательства скоро должны были исчезнуть въ виду ожесточенной борьбы политическихъ партій, внесшихъ снова личное чувство мести и озлобленія. Въ лучшую эпоху Рима казнь совершалась посредствомъ удавленія въ темницѣ (tullianum). Тѣла казненныхъ бросались въ Тибръ.

⁴⁾ Даже въ 12 таблицахъ находится много жестокихъ казней, какъ казнь черезъ огонь и т. п. см. Монтескье. Духъ законовъ, о Римскихъ законахъ тл. XV.

Такимъ образомъ погибли сообщники Каія Гракха и Катилины. Иногда государственныхъ преступниковъ свертали съ тарпейской скалы, но это наказаніе назначалось только въ моменты особенно сильныхъ политическихъ возбужденій. Обратный ходъ римское законодательство получило только при цесаряхъ, которымъ, впрочемъ, уже предшествовали проскрипціи Суллы. Съ паденіемъ римской свободы, римскіе императоры изобрѣтаютъ новыя уголовныя наказанія. Они уничтожаютъ права свободныхъ гражданъ и, по деспотическому произволу, изъ личныхъ страстей и съ цѣлями устрашительными возвращаются къ суровымъ казнямъ. Въ этомъ періодѣ римское уголовное право низшло наконецъ на ту-же ступень, на которой оно было до своего развитія. Оно стало тѣмъ-же, чѣмъ является наказаніе у грубѣйшихъ народовъ Востока, гдѣ господство личнаго и жестокаго произвола замѣняетъ юридическое право. Римскіе цесари начинаютъ чаще и чаще употреблять смертную казнь: при Тиверіи, Каіи Калигулѣ, Неронѣ, Веспасіанѣ и Домиціанѣ казни совершаются тысячами по произволу и капризу деспотовъ. „При Домиціанѣ, говоритъ Тацитъ, море наполнилось ссыльными; подводные камни окрасились кровью убитыхъ и въ Римѣ царствовало ужасъ“ Августъ Максиминъ навелъ ужасъ на провинціи, которыми онъ управлялъ съ полнымъ произволемъ. „Сенатъ постоянно получалъ въ то время извѣстія, говоритъ Капитолинъ, что иные распинались на крестѣ, другіе отдавались звѣрямъ на растерзаніе, или зашивались въ кожу звѣрей, только-что убитыхъ, и этимъ казнямъ подвергались все, несмотря на оказанныя услуги. Страшныя казни назначались гражданамъ, но для рабовъ онѣ усиливались и усложнялись невыразимыми мученіями. Промадное населеніе въ завоевательномъ по характеру римскомъ государствѣ лишено было всякихъ гражданскихъ правъ и отдано или продано господамъ, имѣвшимъ право жизни и смерти надъ рабами. Жизнь раба въ римской имперіи цѣнилась ни во что. Они выпускались въ цирки на борьбу со звѣрями! Преступниковъ изъ нихъ бросали къ этимъ звѣрямъ нарочно для растерзанія. За убійство господъ или за возстанія, которыя при рабской невыносимой жизни повторялись часто, назначались самыя ужасныя казни, сопровождаемыя мучительными страданіями несчастныхъ жертвъ. Тарпейская скала и крестъ для раба были дѣломъ обыкновеннымъ. У подножія тарпейской скалы гнили

тысячи труповъ и сотни новыхъ свертались туда чуть не ежедневно. Рабовъ казнили тысячами во время возстаній. По взятіи Энны, Публій Рувилій приказалъ распять 20,000 рабовъ. Въ предмѣстіяхъ Рима сотни рабовъ томились постоянно на крестахъ; многихъ зарывали до головы въ землю и осуждали умирать подъ знойными лучами солнца, иныхъ связывали съ разлагающимися трупами и оставляли медленно гнить. Казалось, все воображеніе истощалось въ избрѣтеніи пытокъ и казней. Совершая свой кругъ въ дѣлѣ наказаній, древнее римское общество все-таки пришло въ концѣ къ тѣмъ-же способамъ жестокихъ квалифицированныхъ казней. Кромѣ того, въ древнѣйшихъ законодательствахъ самое количество преступленій, за которыя полагалась казнь, произвольно расширялось. Древнее уголовное право римлянъ въ началѣ своего установленія предписываетъ казни для свободныхъ гражданъ только за государственную измену (*prodicio*), за возмущеніе противъ властей (*perduellio*), за злоумышленное убійство, за зажигательство, за ложное свидѣтельство и за сжатіе хлѣба на поляхъ, посвященныхъ богамъ. Но въ послѣдствіи смертная казнь распространялась и на другія преступленія, по виду даже маловажныя. Въ Римѣ, на примѣръ, при децемвирахъ издаются законы о смертной казни для сатириковъ. При Гоноріи издается законъ, специально-угрожающій смертною казнью тому, кто вольноотпущеника покупалъ за раба; другой-же римскій законъ предписывалъ смертную казнь младшимъ врачамъ за неискуство и неумѣнье лечить. Изъ этого видно, что смертная казнь является мѣрою устрашенія въ самыхъ разнообразныхъ преступленіяхъ, которыя особенно хотѣло прекратить правительство. Но отъ частныхъ устрашеній казнью римскіе правители нерѣдко переходятъ и къ общимъ устрашеніямъ во всемъ преступленіямъ. Сулла предписываетъ во всѣхъ случаяхъ два наказанія: изгнаніе или смерть. Драконъ въ Греціи, какъ извѣстно, шелъ еще далѣе: по его кодексу за всѣ преступленія назначалась смертная казнь. Это было крайнее развитіе и величайшій абсурдъ, до чего только могла дойти идея устрашенія.

Римскій міръ оканчиваетъ свое существованіе жестокимъ преслѣдованіемъ христіанъ. Во время десяти гоненій съ Нерона до Домиціана, подъ вліяніемъ опасеній за старыя вѣрованія, развились самыя ужасныя квалифицированныя казни. Духъ нетерпи-

мости и раздраженія противъ новыхъ вѣрованій вызываетъ всѣ дурныя человѣческія страсти, которыя вносятъ въ теорію наказаній старую месть и жестокость. На иновѣрцевъ обрушиваются всѣ муки, какія только существовали въ древніе вѣка: христіанъ бросали на растерзаніе звѣрей, съѣли и отрубали головы, колесовали, варили въ котлахъ, преслѣдовали самыми мучительными пытками и казнями. Въ римскомъ мірѣ такимъ образомъ исчезли всѣ гуманныя начала, которыя были выработаны въ лучшую эпоху республики и наказаніе снова приняло тотъ безошадный характеръ, которымъ оно отличалось въ древности.

Варвары, вторгнувшіеся въ римскую имперію, стояли на довольно низкой степени развитія и ихъ понятія о наказаніи ничѣмъ почти не отличались отъ понятій первобытныхъ народовъ. Германское право, основанное на суровыхъ и дикихъ обычаяхъ, только по разгромленіи римской имперіи, начинаетъ медленно переходить всѣ степени юридическихъ отношеній, заимствуя ихъ отчасти изъ римскаго кодекса. Самое принятіе христіанства съ его гуманной теоріей милосердія не могло передѣлать жестокихъ правовъ общества, жившаго старыми традиціями. Христіанскій Римъ сохранялъ преданія невольническаго Рима; онъ также страстно былъ привязанъ къ гладіаторскимъ играмъ и находилъ развлеченіе въ кровавыхъ казняхъ. Суровое дикое германское общество, привыкшее къ войнѣ и грабежу, заимствовало изъ римской жизни только то, что подходило къ его понятіямъ, и прежде всего суровыя наказанія, которыя считало справедливымъ возмездіемъ за преступленія, жертвой разгнѣванному Богу. Эти грубыя понятія отодвинули европейское общество опять къ возрѣніямъ Востока. Католическое духовенство, видя въ утраченіи одно изъ могучихъ средствъ для утвержденія своей власти, покровительствовало введенію суровыхъ наказаній и въ средніе вѣка казни не только не смягчаются съ дальнѣйшимъ развитіемъ общества, но становятся грубѣе и строже. Обыкновенными формами наказанія являются сожженіе, висѣлица, залитіе горла свинцомъ, колесованіе, отсѣченіе рукъ, языка и клейменіе. Теряется всякая пропорціональность между преступленіемъ и наказаніемъ, такъ что часто полицейское распоряженіе обезпечивается угрозой смертной казни. Смертная казнь стоитъ на первомъ планѣ и христіане ее употребляютъ столь-же часто, какъ и язычники. Ставши гос-

подствующей религіей, католичество само пускается въ преслѣдованія иновѣрцевъ, сектантовъ и еретиковъ. Гнѣвъ, месть и устрашеніе вносятъ въ эту борьбу все жестокое и необузданное, что могло только руководить варварскими обществами. Рыцари доходили даже до канибальства и осуществляли месть въ ужасающихъ формахъ. Одинъ провансальскій историкъ, на котораго ссылается Монтескье, приводитъ разсказъ, что одинъ еврей, за произнесеніе хулы на святую Богородицу, былъ приговоренъ къ содранію кожи съ живого. Рыцари въ маскахъ, съ ножами въ рукахъ, вошли на эшафотъ, согнали съ него палача и сами совершили казнь. Фанатизмъ, суевѣріе, клерикальный деспотизмъ іезуитовъ и инквизиція разжигали костры по всей Европѣ. Еще въ 1757 году, во времена Дидро, Даламбера и Вольтера, въ Европѣ ведутся кровавые процессы противъ еретиковъ, которыхъ предають безчеловѣчнымъ казнямъ. Одинъ эдиктъ 1757 г. опредѣляетъ смертную казнь авторамъ сочиненій, клонящихся къ нападкамъ на религію, къ нанесенію ущерба королевской власти и къ нарушенію порядка въ королевскихъ земляхъ. Іезуиты и католики самымъ возмутительнымъ образомъ пользовались этимъ закономъ. Въ 1762 году былъ повѣшенъ протестантскій пасторъ Рошетъ и казнены трое братьевъ Гренъе, протестантовъ, первый за проповѣдываніе евангелія, остальные за-то, что хотѣли защитить его во время волненія католической толпы, возбужденной патерами. Въ мартѣ 1762 г. колесованъ Жанъ Калась, ложно обвиняемый въ убійствѣ родного сына. Въ томъ-же году дочь протестанта Сирвена бѣжала отъ іезуитовъ и гдѣ-то погибла; на ея отца обрушился процессъ по обвиненію въ убійствѣ дочери и онъ былъ приговоренъ къ смерти. Въ 1766 г. двое молодыхъ офицеровъ д'Эталонъ и Лабаръ были преданы суду *по подозрѣнію*, что они испортили ночью крестъ на мосту въ городѣ Абевилѣ. Первый бѣжалъ, но второй былъ осужденъ *на сожженіе живымъ съ предварительнымъ отсѣченіемъ языка и правой руки*. Парижскій парламентъ оказалъ ему милость, замѣнивъ эту ужасную казнь *обезглавленіемъ*. И всѣ эти ужасы совершались во имя религіи. Всякій извѣстный ученый и литераторъ въ то время долженъ былъ страшиться, что его обвинять въ ереси и казнять. Дидро жилъ подъ дамокловымъ мечемъ эдикта 1757 года. Вольтеръ увѣщевалъ Дидро оставить Францію. „Нельзя воздер-

жаться отъ обращенія къ Солону, писалъ онъ, когда Мелиты и Аниты купаются въ крови и зажигаютъ костры“. „Я не понимаю, продолжаетъ онъ, какъ человѣкъ съ теплымъ сердцемъ и свѣтлымъ умомъ можетъ жить въ странѣ обезьянъ, ставшихъ тиграми“. „Я знаю, отвѣчалъ Дидро, что когда хищное животное обмакнетъ свой языкъ въ человѣческую кровь, то оно уже не можетъ обойтись безъ нея. Я знаю, что буду первымъ, кого оно истребитъ, я знаю, что, можетъ быть, ранѣе конца этого года, я припомню ваши совѣты и воскликну: О Солонъ, Солонт!“

Такъ писалъ гениальный человѣкъ, оканчивая свою энциклопедию; такимъ страшнымъ опасностямъ подвергался онъ, когда создавалъ свой великій трудъ, представлявшій всю цѣльность человѣческаго знанія XVIII вѣка и пророчившій людямъ свѣтлую зарю счастья и прогресса. Многіе мыслители и философы, прокладывавшіе новый путь, въ эту мрачную эпоху остатковъ варварства терпѣли гоненія, а нѣкоторые заплатили даже свою жизнь. Что-же дѣлало въ эти вѣка гражданское законодательство? Юридическая наука въ средніе вѣка имѣла бесплодное схоластическое направленіе и въ своемъ развитіи только переживала юридическіе термины и классификаціи римскаго права, и не шла далѣе теоріи устрашенія и изобрѣтенія новыхъ жестокихъ казней. Конецъ XV столѣтія и начало XVI особенно были неблагоприятны для развитія уголовного права. Кругъ преступленій, подлежащихъ казни, страшно расширяется. Записки палачей того времени наполнены описаніемъ жестокихъ квалифицированныхъ казней. Самое право помилованія, предоставленное прежде присяжнымъ, исчезаетъ. Образчикъ имперскаго германскаго законодательства того времени представляетъ Каролина, уголовное уложеніе Карла V (*Constitutio criminalis Carolina* 1532 г.). Каролина постоянно угрожаетъ смертью, а ея законодатель Карлъ V подписалъ болѣе 2000 смертныхъ приговоровъ. Въ законахъ XVII вѣка точно также смертная казнь занимаетъ обширное мѣсто. Причины лежали въ томъ-же религіозномъ фанатизмѣ, въ войнахъ и насиліяхъ, порождавшихъ грубость нравовъ. Законодатели приходили къ заключенію, что для искорененія преступленій, порождаемыхъ анархією, войнами и общественной дезорганизаціей, необходимы строгія и жестокія казни. Такъ, напримѣръ, въ виду усилившихся разбоевъ во Франціи была

изобрѣтена казнь колесованіемъ. Теоретики не могли идти въ разрѣзъ съ понятіями эпохи и самъ Гоббзъ оправдывалъ смертную казнь, какъ актъ защиты въ военное время. Практика дѣйствовала еще безпощаднѣе. Власть, для своего укрѣпленія и для побѣды надъ феодализмомъ, считала необходимымъ прибѣгать къ помощи устрашенія и необыкновенно частыхъ, разнообразныхъ и безчеловѣчныхъ казней. Уголовными мѣрами является костеръ и топоръ, зарытіе живо въ землю, залитіе горла расплавленнымъ свинцомъ, колесованіе, сажаніе на колъ, висѣлица, рваніе тѣла раскаленными щипцами, обрѣзаніе членовъ, пытки и темничныя истязанія. Вся артистичность и искусство палачества обнаруживались въ этой системѣ, въ которой фанатики палачи идутъ объ руку съ феодалами средне-вѣковой Европы. Въ средніе вѣка европейское челоуѣчество не дѣлаетъ ни малѣйшихъ успѣховъ въ воззрѣніи на наказаніе и скорѣе сохраняетъ традиціи первобытнаго варварскаго времени, осуществляетъ ту-же древнюю месть въ самой ужасной формѣ. То-же жертвоприношеніе и то-же устрашеніе служатъ мотивами для наказанія какъ и въ доисторическій періодъ. Только съ XVI столѣтія въ Европѣ готовится внутренній переворотъ и жизнь начинаетъ измѣняться къ лучшему. Реформація вноситъ новыя воззрѣнія и вытѣсняетъ грубое господство и абсолютизмъ католическаго духовенства. Вмѣстѣ съ этимъ духовенство въ свѣтскія дѣла начинаетъ мало-по-малу ограничиваться. Философія Локка, Гоббза, Кондильяка и сенсуалисты въ XVII и XVIII вѣкѣ представляютъ новыя воззрѣнія на нравственный міръ вмѣсто устарѣвшихъ средне-вѣковыхъ ученій; появляются новыя стремленія и общественные идеалы, правда, въ первое время скорѣе предчувствуемые смутно, чѣмъ ясно сознаваемые. Вмѣстѣ съ этимъ зарождается потребность критики всѣхъ соціальныхъ отношеній, вызвавшая въ XVIII ст. серьезныя изслѣдованія Монтескье, Кондорсе и за тѣмъ шеолу энциклопедистовъ. Начинается грозная борьба противъ феодализма, противъ произвола и насилія, противъ фанатизма духовенства и злоупотребленія судовъ. Въ XVIII вѣкѣ выступаютъ новыя стремленія и въ наукѣ права. Осужденіе старыхъ приемовъ судопроизводства и новыя гуманныя воззрѣнія на наказанія являются рядомъ съ критикою законодательства. Монтескье въ своемъ историческомъ изслѣдова-

ни первый высказывается противъ жестокихъ казней. Въ VI кн. своего труда о духѣ законовъ онъ говоритъ: „Опытъ доказываетъ, что въ государствахъ, гдѣ наказанія кротки, духъ народа столь-же ими обуздывается, сколько въ другихъ мѣстахъ наказаніями жестокими“. „Съ введеніемъ жестокихъ казней, продолжаетъ онъ, пружина правленія ослабляется, воображеніе привыкаетъ къ самой суровой казни, какъ прежде было привычно къ умѣренной, и правительство, по мѣрѣ уменьшенія страха къ послѣдней, принуждено бываетъ ввести первую во всѣхъ случаяхъ. Увеличеніе жестокихъ каръ помогаетъ такимъ образомъ лишь въ первое время и за тѣмъ дѣйствіе ихъ ослабляется. Самыя суровыя казни имѣютъ свои неудобства въ томъ, что огрубляютъ и развращаютъ народъ. За суровыми казнями остается порокъ, произведенный жестокостью“. За тѣмъ онъ возстаетъ противъ неравномѣрности наказанія и противъ пытки, которую можно отвергнуть безъ всякаго неудобства (гл. XVI). Монтескье первый положилъ начало опытному изслѣдованію о вліяніи наказаній. Другой замѣчательный ученый, слѣдовавшій по пути, проложенному Монтескье, — Цезарь Беккарія издалъ книгу спеціально о преступленіяхъ и наказаніяхъ, которая въ свое время составила эпоху (1764 г.). Беккарія положительно отвергаетъ смертную казнь, какъ ненужную жестокость. Мѣрою преступленийъ и наказаній по его теоріи должна быть польза, нарушаемая преступленіемъ. Наказаніе является необходимостью, но для этого во все не требуется смерти преступника. Беккарія отвергаетъ всѣ наказанія, измышленныя злобою и фанатизмомъ, какъ злоупотребленія духовенства. Онъ требуетъ смягченія наказаній и опровергаетъ самое право общества на человѣческую жизнь. Сочиненіе Беккарія имѣло впоследствии самое рѣшительное вліяніе на законодательство Европы. Пропаганда противъ суровыхъ казней быстро начала распространяться въ Европѣ. Энциклопедисты и гуманисты въ XVIII вѣкѣ возстали противъ варварскихъ приговоровъ судовъ, совершавшихся предъ ихъ глазами. Самымъ блистательнымъ борцомъ и популяризаторомъ новыхъ воззрѣній является Вольтеръ. Со всею силою блистательнаго краснорѣчія, съ глубокимъ негодованіемъ онъ ополчается противъ фанатизма, суевѣрія, деспотизма и противъ жестокости. „Когда въ Тулузѣ былъ колесованъ невинный, говоритъ Маколей, когда юноша,

виновный только въ нескромности, былъ обезглавленъ въ Абеви-лѣ, когда храбраго офицера, угнетеннаго общественною несправедливостію, влекли съ заклепаннымъ ртомъ къ мѣсту казни на Гревскую площадь, изъ Фернея тотчасъ-же раздавался голосъ, который слышался отъ Москвы до Кадикса и предавалъ тупоумныхъ судей общему презрѣнію и ненависти всей Европы“. Известно то дѣятельное участіе, которое принималъ Вольтеръ въ процессѣ Каласа. Вольтеръ въ продолженіи трехъ лѣтъ боролся за это дѣло. Онъ пишетъ „трактатъ о вѣротерпимости по поводу смерти Жана Каласа“, разсылаетъ во все концы сотни писемъ, ведетъ переговоры съ лучшими адвокатами, собираетъ деньги въ пользу обнищавшей семьи казеннаго и наконецъ достигаетъ цѣли: верховный парижскій судъ оправдываетъ казеннаго, а король назначаетъ его семейству 36,000 ливровъ. Въ этомъ случаѣ Вольтеръ оказалъ громадныя услуги какъ публицистъ; онъ сдѣлалъ для Европы больше чѣмъ Лютеръ и Кальвинъ и, конечно, несравненно болѣе, чѣмъ все средневѣковые юристы, взятые вмѣстѣ. Рядомъ съ Вольтеромъ все энциклопедисты и лучшіе мыслители возставали противъ жестокостей уголовного права. Бриссо издаетъ цѣлую юридическую бібліотеку: „Les institutions criminelles“, гдѣ первый выступаетъ съ принципомъ невмѣняемости. Замѣчательно, что протестъ противъ казней шелъ не столько отъ компетентныхъ криминалистовъ, сколько отъ гуманистовъ и энциклопедистовъ. Самъ Беккарія былъ профессоръ политической экономіи, Монтескье не былъ криминалистомъ, Вольтеръ менѣе того, и въ добавокъ онъ даже нигдѣ не анализировалъ основъ и цѣлей наказанія. Все это показывало, что самыя правы далеко измѣнились, и старая наука лишилась авторитета и практическаго смысла въ глазахъ умныхъ и честныхъ людей. Подорванные въ теоріи старыя приемы наказаній должны были падать и на практикѣ. Въ концѣ XVIII ст. мы замѣчаемъ первые шаги прогресса въ дѣлѣ отмѣны смертной казни и смягченія наказаній. Въ 1786 г. Леопольдъ отмѣняетъ въ Тосканѣ смертную казнь. Законодатель убѣдился изъ 14-лѣтняго опыта съ 1772 г., что жестокія наказанія порождаютъ только вредныя послѣдствія, что *исправление преступника, въ которомъ не сѣдуетъ отказываться, должно составлять главную цѣль наказанія, рядомъ съ общественною безопасностію и при-*

тѣромъ для общества, и что эта цѣль гораздо вѣрнѣе достигается посредствомъ хорошихъ тюремъ, чѣмъ смертною казнью. Эти аргументы впоследствии были развиты и подтверждены лучшими учеными и юристами. За Тосканою послѣдовала и Австрія. Гуманный императоръ Іосифъ II стремится также отмѣнить смертную казнь и смягчить наказанія и съ этою цѣлію оставляетъ за собою право окончательной конфирмаціи. Въ 1787 г. смертная казнь была совершенно отмѣнена въ Австріи, но при Францискѣ II она снова входитъ въ законодательство; при этомъ замѣчательно, что въ декретѣ Франциска по этому предмету приведенъ былъ и фактъ, „что съ отмѣною смертной казни преступленія не увеличились“. Несмотря однако на такой опытный и неопровержимый выводъ, законодатели въ критическія минуты кидались къ прежней системѣ устрашенія, вѣру въ которую они сохраняли по традиціи. Вслѣдъ за другими Франція также подняла вопросъ о смертной казни. Подготовленная учениемъ энциклопедистовъ, знакомая съ идеями Беккаріи, она не могла обойти его. Въ 1790 Лепельтье-Сентъ-Форжъ представилъ національному собранію докладъ объ уничтоженіи смертной казни съ тѣмъ однако, чтобы она была сохранена для политическихъ преступниковъ. Извѣстно, что самъ Максимилианъ Робеспьеръ говорилъ за отмѣну ея, но большинство собранія объявило себя за сохраненіе казни. Въ 1793 г. Кондорсе снова представилъ конвенту проектъ отмѣны смертной казни за всѣ обыкновенныя преступленія; проектъ этотъ долго обсуждался, но пренія не привели ни къ чему. Извѣстно, что первая революція, провозгласившая принципы человѣческой свободы и „правъ человѣка“, была наклонна въ теоріи ко всему гуманному и человѣчному, а потому декретомъ республики IV года было объявлено уничтоженіе смертной казни „со дня объявленія всеобщаго мира“. Но это желаніе не могло выполниться, потому что борьба ея съ внѣшними врагами и съ интригами эмигрантовъ внутри постоянно возбуждала опасенія реставраціи стараго порядка и заставляла держаться постоянно на военномъ положеніи. Республика 1793 года сдѣлала только нѣкоторый шагъ въ смягченіи самого способа казни. Мы говоримъ о предложеніи конвенту изобрѣтенія врачей Луи и доктора Гильотена. Страшная и кровавая на современный взглядъ *Гильотина* имѣла од-

накожь свое историческое значеніе. Въ то время, когда существовали квалифицированныя казни съ предварительными ужасными муками, когда палачи при помощи топора долго истязали преступника, когда повѣшеніе переламывало позвонки и медленно душило казненныхъ на висѣлицѣ, введеніе гильотины было большимъ смягченіемъ въ дѣлѣ наказанія. Всѣ лучшіе тогдашніе ученые оправдывали ея примѣненіе. Серръ, профессоръ медицинской школы въ Парижѣ и извѣстный мюнхенскій анатомъ Земерингъ защищали это „*филантропическое предложеніе*“. Биша и Кабанисъ поддерживали также это нововведеніе. Понятно, что это былъ все-таки шагъ отъ прежнихъ квалифицированныхъ казней, которыя съ этого времени совершенно исчезаютъ въ Европѣ. Постепенно вопросъ объ отмѣнѣ казни дѣлалъ успѣхи и въ Англии. Несмотря на множество казней, совершавшихся въ XVII и XVIII вѣкахъ въ эпоху разныхъ распрій и при полномъ господствѣ принципа устрашенія, въ Англии, въ концѣ XVIII в. возрѣнія на смертную казнь стали также понемногу измѣняться. Джонъ-Говардъ (1726—1791 г.), одинъ изъ первыхъ рѣшился обратить вниманіе на систему наказаній. Явившись представителемъ реформы, Говардъ, какъ и его современники, возсталъ противъ жестокости тогдашнихъ уголовныхъ наказаній и сосредоточилъ все свое вниманіе на улучшеніи тюремныхъ учрежденій. Говардъ пришелъ къ ясному заключенію, что къ преступленію располагаетъ само общество недостатками въ своихъ учрежденіяхъ, и что наказаніе должно имѣть главною цѣлію исправленіе и наставленіе преступниковъ. Такимъ образомъ Говардъ, какъ теоретикъ и практикъ, первый положилъ основаніе системѣ исправленія въ Европѣ и поставилъ цѣлію наказанія совершенно новый принципъ. Въстѣ съ Говардомъ въ томъ-же направленіи дѣйствовалъ и оказалъ громадное вліяніе на законодательство Англии, Геремія Бентамъ (+ 1748 г.). Свѣтлый и развитый умъ, исполненный высокой любви къ человѣчеству, Бентамъ положилъ основаніе новой научной и опытной разработкѣ права въ его утилитарномъ значеніи. Онъ выступилъ противъ всѣхъ предразсудковъ стараго законодательства и произвелъ оцѣнку наказанія съ точки зрѣнія его практическаго вліянія и пользы для государства. Поэтому все суевѣрное, бесполезное и жестокое онъ положительнo отвергаетъ въ дѣлѣ наказаній. Вредъ всякихъ же-

стокостей и ненужность смертной казни Бентамъ доказывалъ неопровержимыми доводами. „Откуда можетъ проистекать жестокость, съ которою это наказаніе употребляли такъ щедро? восклицаетъ Бентамъ.—Это—слѣдствіе раздраженія, которое прежде всего обращается къ большей строгости и слѣдствіе лѣности ума, которая заставляетъ находить въ быстромъ уничтоженіи виновныхъ великую выгоду не думать больше о нихъ. Смерть! одна смерть! Это не требуетъ ни размысленія генія, ни сопротивленія страстямъ. Нужно только отдаться на ихъ волю, чтобы сразу прийти къ этому. Скажутъ, что смерть необходима, чтобы отнять у убійцы возможность повторять свое преступленіе, но по той же причинѣ слѣдовало-бы убивать сумасшедшихъ, бѣшеныхъ, отъ которыхъ общество можетъ опасаться всего. Если можно обезпечить себя отъ этихъ, то почему-же нельзя было-бы обезпечить себя отъ другихъ“? Таковы доводы Бентама противъ казни *), постоянно повторяющіеся въ его книгѣ. Вслѣдъ за Бентамомъ самыя благородныя и вліятельныя люди, какъ Ромилы, Блестонъ, Роское и Мэкингошъ постоянно протестовали противъ нея и склоняли законодательство и англійскій парламентъ къ ея ограниченію. Въ то-же время на другомъ концѣ міра наслѣдники европейской цивилизаціи, американцы также удачно разрѣшали вопросъ объ отмѣнѣ казни. Онъ былъ поднятъ въ Пенсильваніи въ 1794 г. Такимъ образомъ уже съ половины XVIII вѣка замѣчается нѣкоторый прогрессъ въ дѣлѣ наказанія. Этотъ прогрессъ постепенно усиливаясь, въ наше время привелъ ко многимъ практическимъ улучшеніямъ въ системѣ уголовныхъ наказаній. Теперь есть даже возможность вывести тотъ общій законъ, который можетъ быть названъ историческимъ закономъ въ исторіи наказаній, по которому шло это совершенствованіе и измѣненіе наказанія. Наказаніе измѣняется во-первыхъ въ формѣ, во-вторыхъ въ кругѣ обнимаемыхъ имъ преступленій и въ-третьихъ въ самыхъ возрѣніяхъ на цѣль наказанія. Это видно изъ того, что жестокия квалифицированныя казни исчезаютъ въ половинѣ XVIII столѣтія и замѣняются мгновенною казнью. Такимъ образомъ происходитъ преобразование въ смягченіи формы наказа-

*) Бентамъ, «Основн. начал. угол. кодекса», кн. о наказан., гл. IX, стр. 569
русскаго изд.

нія. Затѣмъ отмѣняются казни за преступленія противъ вѣры и слѣдовательно уменьшается кругъ преступленій, наказываемыхъ смертію. Наконецъ измѣняется самый взглядъ на наказаніе, и метафизическое воззрѣніе на наказаніе какъ на возмездіе начинаетъ терять свою силу. Принципъ личной мести отходитъ на задній планъ и уступаетъ мѣсто взгляду на наказаніе, какъ на право общества устрашать и ограждать себя отъ преступленія. Самый принципъ устрашенія въ своей грубой формѣ теряетъ силу и его формула измѣняется. Юристы, вмѣстѣ съ Бентамомъ, убѣждены теперь, что нужно устрашать не силою наказанія и его ужасами, но примѣрностью наказанія. Отсюда выводится прямое заключеніе, что можно устрашать и несравненно болѣе слабыми наказаніями, чѣмъ казнью. Правда, теорія устрашенія еще не совсѣмъ исчезла изъ уголовного кодекса, но ея послѣдователи уже пошли на компромиссы; а нѣкоторые правительства даже рискнули уничтожить смертную казнь. Правда и то, что новыя уголовныя теоріи медленно приживаются къ обществу, въ которомъ глубоко засѣли традиціонныя убѣжденія, однакожь нельзя не согласиться, что въ XIX вѣкѣ началась новая эпоха въ исторіи наказаній. Въ прежнее время никто и не помышлялъ о соразмѣрности наказанія съ преступленіемъ; въ XIX вѣкѣ на этотъ вопросъ обращено серьезное вниманіе; онъ подвергся точнымъ изслѣдованіямъ, результатомъ чего явилось расширеніе степеней наказанія или „лѣстницы наказаній“. Принципъ этотъ, какъ непремѣнное условіе соразмѣрности наказанія, разработанъ превосходно еще Бентамомъ, но получилъ практическое примѣненіе лишь въ XIX вѣкѣ. Смертная казнь стала употребляться несравненно рѣже, ее стали назначать за меньшее число преступленій, и замѣнять ее другими наказаніями. Въ Англіи въ 1765 г., по свидѣтельству Блэкстона, смертная казнь назначалась за 160 самыхъ разныхъ преступленій, въ томъ числѣ даже за обыкновенное воровство на сумму 40 шиллинговъ. Въ первое десятилѣтіе нашего столѣтія въ Англіи смертная казнь ограничивалась уже только 7 родами преступленій. Кодексъ Наполеона въ 1810 г. угрожалъ казнью въ 36 преступленіяхъ, а законъ 1832 г. ограничилъ число угрожаемыхъ смертію преступленій до 7. Въ Пиемонтѣ въ 1839 г. смертная казнь назначалась въ 41 случаѣ, а въ 1859 г. она ограничена только 13 преступленіями. И въ другихъ европей-

скихъ государствахъ мало-по-малу сокращался кругъ преступлений, наказываемыхъ смертью, такъ-что она оставлена теперь только для умышленнаго убійства и за государственную измѣну въ исключительныхъ случаяхъ. Нѣкоторые-же государства, какъ мы уже говорили, совсѣмъ отмѣнили смертную казнь. Американскіе штаты самое убійство подраздѣлили на 2 категоріи и полагаютъ казнь только за убійство по 1-й категоріи. Нѣкоторые государства, какъ Бельгія, Швейцарія, Португалія отмѣнили казнь для политическихъ преступлений. Но кромѣ уменьшенія круга преступлений, къ которымъ примѣнялась смертная казнь, мы должны еще обратить вниманіе на уменьшеніе самыхъ приговоровъ и число казненныхъ. Число этихъ приговоровъ уменьшалось: во 1-хъ, подѣ влияніемъ смягченія уголовныхъ законодательствъ и ограниченія круга преступлений, подлежащихъ казни. Во 2-хъ, подѣ влияніемъ уступки общественному мнѣнію, которое постоянно требовало помилованія осужденныхъ на казнь. Наконецъ въ 3-хъ, подѣ влияніемъ добросовѣстнаго судопроизводства и свободы выраженія мнѣній присяжными, какъ выразителями того-же общественного взгляда на наказаніе. Всѣ эти причины привели къ тому, что число смертныхъ приговоровъ въ Европѣ замѣтно уменьшилось. Статистическія данныя, собранныя Миттермайеромъ въ его трудѣ о смертной казни, даютъ намъ ясную картину этого утѣшительнаго движенія впередъ. Въ Австріи, на примѣръ, съ 1803 по 1848 г. было произнесено 1,304 смертныхъ приговоровъ; помиловано 856 человекъ. Въ томъ числѣ изъ 911 убійць казнено 421, изъ 120 лицъ за измѣну казнено 2 и изъ 84 человекъ за поджогъ 18. Можно принять, что двѣ трети преступниковъ получали помилованіе. Съ 1822 г. по 30 г. была помилована половина приговоренныхъ. Съ 1845 г. по 1848 г. состоялось 357 приговоровъ и изъ нихъ было исполнено только 27 (11 въ Галиціи). Уменьшеніе смертныхъ приговоровъ—фактъ общій, но въ частности онъ имѣетъ нѣкоторыя колебанія, смотря по измѣненію политики правительствъ и соотвѣтственно движенію политическихъ реформъ. Въ этомъ случаѣ въ Австріи, Франціи и Пруссіи съ 1848 года замѣтно отступленіе къ худшему. Но тамъ, гдѣ общество развивалось болѣе спокойно и ровно подѣ влияніемъ лучшихъ условій, тамъ уменьшеніе смертной казни изъ года въ годъ очевидно. Еще въ 1817 въ Англіи было произнесено 1,302 приговора. Въ 1834 г. уже 480. Въ 1859—52,

въ 1860—48 и такъ далѣе. Въ Шотландіи въ 1823 г. было 32 приговора, въ 1851 всего одинъ. Въ 1858—9 г. *ни одного*, въ 1860 г. хотя и было 4 приговора, но ни одинъ не былъ исполненъ. Точно такойже замѣтный прогрессъ въ отмѣнѣ смертныхъ приговоровъ произошелъ въ Даніи, Швеціи и Норвегіи, но самый большій, конечно, въ тѣхъ государствахъ, которыя рѣшили совершенно отмѣнить смертную казнь какъ, напримѣръ, въ Тосканѣ, въ Нидерландахъ, Ольденбургѣ, Нассау, Анталтъѣ, Шварцбургѣ, Саксенъ-Кобургъ-Готѣ, Фрейбургѣ, Невшателѣ и въ нѣкоторыхъ штатахъ С. Америки. Въ настоящее время такимъ образомъ около 7.000,000 европейскаго населенія избавлены отъ смертной казни. Какъ ничтожно это число (оно составляетъ около тридцатой части всего населенія Европы), но и оно показываетъ, что люди могутъ жить спокойно и безопасно, безъ устрашенія смертной казнью, — истина, къ которой пришло человѣчество вѣками.

Постепенная отмѣна смертной казни доказываетъ, что ея авторитетъ постоянно падаетъ въ глазахъ юристовъ и народа. Она считается уже не столь необходимою какъ въ прежніе вѣка, ея жестокость возмущаетъ людей нашей цивилизаціи и самые нравы, идя впереди, заставляютъ законодательства отмѣнять ее. Соціальныя нужды и общественное мнѣніе въ обществахъ прогрессивныхъ всегда идутъ впереди права, какъ говоритъ Менъ, а поэтому, что бы ни говорили старые юристы, но наступитъ время, когда на практикѣ смертная казнь получитъ свой окончательный приговоръ. Гораздо важнѣе тѣ выводы, которые мы можемъ сдѣлать изъ исторіи смертной казни; а также изъ тѣхъ послѣдствій, которыя послѣдовали за ея отмѣною. Уменьшеніе приговоровъ и совершенное неупотребленіе казни нисколько не увеличило числа преступленій, какъ рассчитывали люди старыхъ побужденій и робкіе. Въ Тосканѣ, гдѣ хотя съ 1795 г. и введена была казнь, но не приводилась въ исполненіе, незамѣтно было никакого увеличенія преступленій. Съ 1831 г. до новѣйшаго времени въ Тосканѣ не случилось ни одной казни и статистическія таблицы показываютъ, что тяжкія преступленія не увеличиваются. Не менѣе очевидныя доказательства представляютъ Бельгія, Баварія, Бадень и Ольденбургъ, гдѣ смертная казнь уже давно не употреблялась. Специальное изслѣдованіе тѣхъ преступленій, за которыя казнь

постепенно отмѣнялась, представляетъ тѣ-же выводы. Статистическія таблицы Англіи показываютъ, что отмѣна казни за нѣкоторыя преступленія, какъ, напримѣръ, за воровство лошадей, за поддѣлку монеты, подѣйствовали благоприятно на ихъ уменьшеніе. Тоскана, Ольденбургъ, Нассау, Ангальтъ, Фрейбургъ, Невшатель, какъ и штаты Америки Мичиганъ и Родъ-Эйланъ совершенно обходились безъ смертной казни, не замѣчая увеличенія преступленій. Въ Тосканѣ высказано многими, что она не потребовалась бы и тогда, еслибы преступленія увеличились. Статистика различныхъ провинцій Бельгіи доказала, что отмѣна казней не препятствуетъ уменьшенію преступленій, какъ существованіе казни не мѣшаетъ ихъ увеличенію.

Въ двухъ провинціяхъ Лимбургъ и Люксембургъ съ 1830 г. случилась только одна казнь, а въ Лютихѣ не было съ 1825 г. ни одной; число преступленій, которыя прежде наказывались смертью, уменьшилось на 13 процентовъ. Въ апелляціонномъ округѣ Брюсселя съ 1832 г. произошло 25 казней и число обвиненныхъ увеличилось въ 20 лѣтъ на 22 процента. Въ округѣ Гента произошли 22 казни и преступленія увеличились на 13 процентовъ.

Изысканія уголовной статистики, въ связи съ причинами преступленій, привели къ выводу, что преступленія зависѣли отъ другихъ причинъ, коренившихся въ обществѣ, и что никакой страхъ наказанія, также какъ и отсутствіе его, не могли имѣть важнаго вліянія на развитіе преступленій. Опытныя психическія наблюденія надъ вліяніемъ казни на личность преступника до преступленія, какъ и послѣ него, а также повѣрка впечатлѣнія, которое производитъ казнь на зрителей, привела, на основаніи точныхъ изслѣдованій, точно также къ совершенно другимъ выводамъ. Строгой анализъ показываетъ, что теорія страха находится въ прямомъ противорѣчій съ человѣческой природой и опытомъ. Она опирается на ошибочное предположеніе, что преступникъ всегда предъ совершеніемъ преступленія взвѣшиваетъ всѣ стороны предпринимаемаго имъ дѣла, pro и contra; за тѣмъ наказаніе произвольно соразмѣряется съ величиной побужденія къ преступленію, причѣмъ удовольствіе и страхъ представляются отдѣльными другъ отъ друга, между тѣмъ какъ опыты доказываютъ, что во время совершенія извѣстнаго по-
«Дѣло», № 6.

ступка, въ душѣ человѣка существуетъ только одно основное настроеніе. Эта теорія не обращаетъ вниманія на то, что устрашающая сила уголовного закона заключается не въ величинѣ угрожаемаго зла, а въ увѣренности избѣгнуть его *). Впечатлѣніе, производимое казнью на остальныхъ преступниковъ и на публику, было въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ не то, какое предполагали теоретики. Она не только не устрашала остальныхъ, но производила дурныя и даже пагубныя послѣдствія, какъ доказываетъ тотъ-же опытъ. Въ Англии во время казни совершаются многочисленныя воровства. Казнь не производитъ впечатлѣнія даже на людей, которые уже были судимы за преступленія. Священникъ Робертъ сообщаетъ, что изъ 167 человѣкъ, которыхъ онъ въ Бристолѣ напутствовалъ передъ казнью, 161 объявили, что присутствовали при совершеніи казней. Опытъ показываетъ, что впечатлѣніе казней имѣетъ напротивъ иногда самое пагубное вліяніе на зрителей и даже вызываетъ на совершеніе тѣхъ-же преступленій. Это было замѣчено въ Бостонѣ. Когда послѣ долгаго отсутствія казней, снова казнили одного поджигателя, вдругъ появились чаще поджоги. Изслѣдованіе показало, что всѣ послѣдующіе поджигатели присутствовали при казни. Потрясающія зрѣлища отражаются часто самымъ болѣзненнымъ образомъ на людяхъ. Въ этомъ случаѣ замѣчательнъ фактъ, недавно бывшій въ Россіи и опубликованный въ газетахъ. Въ Казани, во время конфирмаціи женщины за убійство мужа, приговоренной къ каторгѣ и выведенной на эшафотъ, впечатлѣніе выставки, имѣющей тоже устрашительный характеръ, произвело такое потрясеніе, что другая женщина, присутствовавшая при наказаніи пришла домой и убила мужа безовсякой причины. Въ этомъ случаѣ сильное впечатлѣніе производитъ такое нервное разстройство, что оно доводитъ даже до маніи къ тому-же преступленію. Таково вліяніе устрашающихъ и торжественныхъ зрѣлищъ, которыя

*) Миттермайеръ, Смертн. казн. с. 56. Еще яснѣе говоритъ лордъ Брумъ: «Вы думаете, что устрашая вы остановите человѣка, идущаго совершить преступленіе. Заблужденіе! Сначала онъ оболъщаетъ себя тѣмъ, что не попадется; когда попался, старается избѣгнуть суда; судимый, старается утаиться отъ судей; приговоренный надѣется на помилованіе».

Рѣчь въ парижской академіи 1862 г.

особенно защищаютъ юристы и которые защищаль даже Бен-тамъ *). Видъ устрашающихъ наказаній и казней для зрителей, привычныхъ къ ихъ виду, не можетъ возбудить особаго чувства страха, какъ и бывало при частомъ употребленіи казней въ древности. Тогда-же, когда казнь употребляется рѣдко, она потрясаетъ зрителей и у нихъ обнаруживается чувство соболѣзнованія къ участи преступника. Блѣдный, разстроенный, впавшій въ отчаяніе, обезсиленный, находящійся почти въ безсознательномъ положеніи,—какъ это и бываетъ большею частью,—преступникъ долженъ возбудить невольное соболѣзнованіе. Въ такомъ случаѣ зрѣлище казни можетъ возбудить еще отвращеніе и даже негодованіе! Въ людяхъ-же развитыхъ и обладающихъ чувствомъ, зрѣлище казни возбуждаетъ горячій протестъ. Гдѣ цивилизація проникла сильнѣе, гдѣ грубость и варварство исчезли изъ нравовъ, тамъ самое настроеніе массы не позволитъ совершать жестокихъ зрѣлищъ. Во Флоренціи, во время послѣдней казни, народъ высказалъ свое отвращеніе тѣмъ, что уходилъ съ тѣхъ улицъ, по которымъ шла процессія, и на мѣстѣ казни не было зрителей. Это отрицаніе самаго вида казни должно было доказать, что даже массы народа дошли до пониманія ея ненужности, до пониманія чего не достигли еще многіе юристы. Признанная въ принципѣ несправедливою и бесполезною, эта мѣра наказанія должна была уничтожиться во всѣхъ своихъ формахъ. Но оставшись въ традиціяхъ юристовъ даже при самой юридической отмѣнѣ казни, она къ сожалѣнію измѣняется часто только по внѣшней формѣ. Нѣкоторые законодательства рѣшились замѣнить открытую казнь и закрытую, какъ, наприимѣръ, Пруссія, Виртембергъ, Саксенъ-Альтенбургъ, Гамбургъ, Баварія, и, наконецъ, нѣкоторые Американскіе штаты. Но подобная уступка уничтожила только одни кровавыя зрѣлища, которыя вмѣсто явныхъ сдѣлались потаенными, какъ будто сами исполнители правосудія уже страшились выступать съ ними предъ народомъ. „Если наказаніе смертию справедливо, то совершайте его при свѣтѣ дня. Если оно морализируетъ массы, исполняйте его при свѣтѣ солнца, этотъ страшный урокъ. Но если вы сами сомнѣваетесь въ его дѣйствиіи, если вы не увѣрены въ чувствахъ, кото-

*) О наказаніяхъ, гл. IX. «усилить впечатлѣніе наказаній на воображеніе».

рыя оно возбуждаетъ, зачѣмъ-же вы еще прибѣгаете къ нему. Примѣненіе тайной казни было притомъ совершенно непослѣдовательно, такъ какъ утилитарное значеніе ея — устрашеніе — терялось, и въ ней оставался только мотивъ воздаянія за вину — месть. При подобной уступкѣ древній принципъ наказанія замѣнился еще болѣе древнѣйшимъ нежели принципъ устрашенія. Другая уступка была сдѣлана въ томъ отношеніи, что иногда преступнику отстрачиваютъ исполненіе казни на годъ, какъ въ штатѣ Мэнъ, но эта отсрочка казни безъ сомнѣнія крайне мучительна. Государства совсѣмъ отмѣнившія смертную казнь замѣняютъ ее *вѣчнымъ заключеніемъ*, какъ въ Бременѣ, Ольденбургѣ и Тосканѣ. Но это погребеніе заживо въ темницѣ едвали лучше казни. Вѣчное заключеніе, что это такое, какъ не та же смерть болѣе утонченно и болѣе мучительно примѣняемая. Цѣлая жизнь вѣчнаго одиночнаго заключенія, цѣлая вѣчность безнадежныхъ страданій и это называется смягченіемъ! Въ одномъ изъ штатовъ Америки придумали надъ такимъ заключеннымъ поставить даже надгробный памятникъ на верху его вѣчной темницы. И такое возмутительное лицемѣріе называется иногда отмѣною казни! Изъ этого видно, что самый принципъ казни далеко еще не уничтожился въ новыхъ формахъ наказанія, замѣняющихъ ее: сущность остается та же, измѣняется только форма.

Н. Ядринцевъ.

УСЛОВІЯ ПРОГРЕССА ВЪ СФЕРѢ НАКАЗАНІЙ.

II.

Старые мотивы наказанія, соединявшіе въ себѣ древнюю месть и ложную теорію устрашенія, къ сожалѣнію, еще далеко не совсѣмъ исчезли и въ новыхъ формахъ наказанія, не смотря на полную ихъ несостоятельность: смертная казнь до сей поры еще примѣняется съ цѣлями устрашенія. Идеи прогресса, постоянно развиваясь среди цивилизованныхъ обществъ, дѣйствовали на столько благотворно, что законодательства все болѣе и болѣе ограничивали и смягчали наказанія, и въ нѣкоторыхъ странахъ рѣшились даже положить конецъ смертной казни. Теорія уголовного права въ этомъ отношеніи шла позади практическаго законодательства и до послѣдняго времени разными софизмами старалась доказывать необходимость смертной казни: въ этомъ конечно, видѣнъ прогрессъ жизни, но крайній застои юридической науки. Старые мотивы наказанія, зародившіеся въ періодъ грубаго невѣжества народовъ, крайне живучи; ихъ защищаютъ юристы, они перешли въ науку умозрительной философіи и олицетворяются въ теоріяхъ Канта, Гегеля, Анзельма, Фейербаха и другихъ. Абсолютная теорія Канта говоритъ, что наказаніе во имя справедливости должно имѣть мѣсто безъ всякаго отношенія къ утилитарнымъ цѣлямъ: оно совершается ради идеи. „Если-бы стало извѣстно, что завтра разрушится міръ, сегодня все-таки слѣдуетъ совершить казнь надъ послѣднимъ преступникомъ“. Теорія Канта въ практическомъ примѣненіи совѣдуетъ назначать смерть за убій-

ство, кастрацію за изнасилованіе и рабство за воровство; между тѣмъ въ его время жизнь далеко уже опередила эту теорію и дѣйствующія законодательства карали эти преступленія болѣе легкими наказаніями. Гегель въ своей философіи проводитъ ту-же идею мести во имя абсолютной идеи права и „во имя примиренія индивидуальной воли съ абсолютной.“ Не мудрено видѣть, что эта *идея* абсолютныхъ теорій есть тотъ-же неумолимый Фемисъ, облеченный въ туманную форму идеологии. Старая идея наказанія въ смыслѣ возмездія, переживая метафизическій періодъ, переходитъ въ теорію наказаній даже въ періодъ позитивныхъ воззрѣній, въ теоріи утилитарныя. Теорія „огражденія закона положительнаго“ тождественна съ метафизическими теоріями. Теорія самосохраненія, огражденія и предупрежденія заимствуетъ многое изъ тѣхъ-же прежнихъ воззрѣній, съ тою разницею, что здѣсь возмездіе совершается для болѣе реальныхъ цѣлей. Примиреніе съ идеей справедливости замѣняется примиреніемъ съ закономъ, съ гражданскимъ обществомъ, съ народомъ, съ общественной совѣстью, съ совѣстью наконецъ самого преступника (понятія опять чисто идеальныя). Эта теорія доведена до такой тонкости, что, по выраженію юристовъ, преступникъ можетъ просить даже, чтобы его наказали. Грубый мотивъ устрашенія не исчезаетъ во всѣхъ новѣйшихъ утилитарныхъ теоріяхъ, но только смягчается въ практическомъ примѣненіи сообразно винѣ и нанесенному злу. Несмотря на то, что юристы нападаютъ на теорію устрашенія въ грубой драконовской формѣ, они однако признаютъ ее подъ другимъ только именемъ, называя *примѣрностью* наказанія. Теорія примѣрности—та-же теорія устрашенія и точно также допускаетъ причиненіе страданій преступнику по крайней мѣрѣ „на столько“, чтобы они превышали удовольствіе отъ преступленія. Дѣло стало быть только въ границахъ *). Примѣненіе этихъ страданій или напоминаніе о нихъ, сопряженное съ торжественной обстановкой приговора на площади, должны причинять страхъ остальнымъ людямъ и удерживать волю. Этотъ мотивъ страданія тотъ-же устрашающій мотивъ, которымъ руководились въ назначеніи на-

*) Надо чтобы люди больше боялись наказанія, „чѣмъ желали преступленія“. „Недостаточное наказаніе есть большое зло“. „Что сказать о хирургѣ, который, чтобы не причинить больному нѣкоторой боли, оставитъ излеченіе неполнымъ“. (Бентамъ о наказан. ч. III, кн. II, с. 544 русск. изд.)

казаній древніе, мотивъ несправедливый и бесполезный на практикѣ, какъ онъ оказался въ дѣлѣ примѣненія смертной казни. Если самая смертная казнь не могла удерживать преступленій и законы Дракона были бессильны предъ неизбежнымъ бюджетомъ преступленій, то смягченная теорія устрашенія представляетъ только жалкую попытку въ томъ-же направленіи.

Если мы обратимся къ другимъ наказаніямъ, по силѣ ихъ слѣдующимъ тотчасъ-же за смертною казнью и вполнѣдствіи замѣнившимъ ее, то увидимъ цѣлый рядъ уголовныхъ наказаній, основанныхъ на той-же системѣ устрашенія. Для этого не нужно заходить въ глубокую древность. Даже въ наше время примѣняются, какъ кара за преступленія, тѣлесныя наказанія, суровыя каторги, галеры; существуетъ и до сихъ поръ безсрочная ссылка, носящая на себѣ всѣ признаки наказанія, заставляющаго страдать. Правда, историческій прогрессъ, хотя и медленно, но все-же заставляетъ ограничивать примѣненіе ихъ въ европейской практикѣ, и даже временно прекращать ихъ дѣйствіе, но тѣмъ не менѣе къ нимъ снова возвращаются въ чрезвычайныхъ и даже не чрезвычайныхъ случаяхъ. Такъ, напримѣръ, одно нѣмецкое княжество еще недавно обратилось вспять къ тѣлесному наказанію. Англія въ своемъ флотѣ употребляетъ его для матросовъ; оно примѣняется и вообще въ войскахъ многихъ другихъ странъ. Также вездѣ оно примѣняется въ каторжныхъ работахъ за проступки, совершаемые каторжниками. Но, не устрашая вообще человѣка, едва ли оно можетъ устрашить солдата, матроса или каторжника. Оно осталось, какъ наказаніе, и для русскихъ крестьянъ *), хотя оно отмѣнено у насъ въ самыхъ крупныхъ уголовныхъ преступленіяхъ. Розга, оставленная у насъ, какъ наказаніе по рѣшенію крестьянскихъ судовъ, оправдывается народными обычаями, но такой доводъ не выдерживаетъ критики. Прогрессивное законодательство всегда можетъ вооружиться противъ предрасудковъ и варварскихъ инстинктовъ, какъ оно вооружается противъ *кабалы*, *рабства*, *лихвы* и всякихъ злоупотребленій. Тѣлесныя наказанія, бесполезныя, какъ устрашительная мѣра, оказываютъ сильно деморализующее вліяніе, развивая въ обществѣ жестокость нравовъ и огрубляя

*) Наказанія розгами остались для крестьянъ и мѣщанъ по приговору обществъ и волостныхъ судовъ и взамѣнъ тюремнаго ареста.

отдѣльныя личности. Люди, живущіе подѣ страхомъ этого наказанія, усваиваютъ понятіе о его необходимости, и сами, въ своей средѣ, примѣняютъ тѣлесныя истязанія, кулачную расправу, съчеченіе и побои какъ средства внушенія; грубая сила рѣшаетъ всякое спорное дѣло и слабѣйшій всегда останется виноватымъ (Последніе процессы у мировыхъ судей постоянно раскрываютъ подобныя факты въ русской жизни). Грубые нравы порождаютъ рядъ новыхъ преступленій, съ которыми приходится уже разсчитываться высшимъ судамъ и примѣнять уголовныя наказанія.

То-же самое, что сказано нами о казни и о тѣлесномъ наказаніи, можно отнести и ко всевозможнымъ каторгамъ, которыя замѣнили собою смертную казнь. Эти каторги даже у самыхъ прогрессивныхъ народовъ, какъ англичанъ и французовъ, одинаково были непомерно жестоки. Принудительныя тяжкія работы, нарочно изобрѣтаемыя для каторжниковъ, ужасная дисциплина, содержаніе въ неудобныхъ для жизни казематахъ считались неотъемлемою сущностью этого наказанія. Парламентская комиссія въ 1848 г. открыла самыя безчеловѣчныя жестокости и возмутительныя злоупотребленія наказаніями въ англійскихъ ссыльныхъ колоніяхъ. „Тамъ люди за одинъ дерзкій взглядъ заковывались въ кандалы, говоритъ Спенсеръ ¹⁾. Тамъ употреблялось заключеніе въ клѣткахъ, которыя вмѣщали въ себѣ отъ 20 до 27 человекъ и въ которыхъ эти люди не могли ни стоять, ни сидѣть“. „Содержаніе людей на каторгѣ и тяжкія работы, по словамъ одного австралійскаго судьи, доводило каторжниковъ до такихъ страданій, что многіе изъ нихъ желали смерти, какъ блага, и рѣшались на самоубійство, не останавливаясь предъ самыми мучительными его видами; искали смерти и другими путями. Многіе ссыльные на Вандименовой землѣ нарочно совершали убійство, чтобы ихъ отправили въ Гобартъ-Тоунъ, хотя знали очень хорошо, что ихъ, обычнымъ порядкомъ, казнятъ чрезъ двѣ недѣли послѣ прибытія“. Перевозка въ Австралію представляла всевозможныя стѣсненія и недостатки. Ссыльные во время дороги умирали съ голоду, а товарищи скрывали трупы и спали съ ними на одной кровати, чтобы только получать за нихъ порціи. Англійская каторга со всѣми своими жестокостями приводила только къ самому ужасно-

¹⁾ Этика Тюремъ. Опыты, вып. IV и V.

му озлобленію и развращенію каторжниковъ. Но при всемъ томъ англійская каторга, въ сравненіи съ французской, можетъ быть названа челоѡколюбивою. „Если нужно опредѣлить французскую ссылку однимъ словомъ, говоритъ Гольцендорфъ, то это слово будетъ *отчаяніе*! Болѣзнь и смерть—вотъ что встрѣчаетъ европеецъ въ Гвинее“. Сырой и знойный климатъ, зараженный миазмами, порождаетъ здѣсь лихорадки, пожирающія европейца почти мгновенно; поэтому ссыльныхъ во французской Гвинее умирало такъ много, что ихъ не успѣвали подвозить. „Свѣденія объ эпидеміяхъ въ Кайенѣ, доставленныя французскому морскому министерству въ 1851 г., продолжаетъ Гольцендорфъ, наполняютъ сердце простодушнаго челоѡка ужасомъ и ненавистью къ тѣмъ людямъ, которые присовѣтовали подобную мѣстность для колонизаціи и содѣйствовали ей“. Колонизація Кайены была колонизаціей погоста, и этой мѣстности дано роковое и страшное имя *colonie mortuaire*. Сюда-то Наполеонъ III простыми декретами высылалъ сотнями политическихъ преступниковъ и массы рабочихъ послѣ 2 декабря. Это была въ сущности та-же „замаскированная казнь“, но казнь самая мучительная. „Ужасы неаполитанскихъ тюремъ и испанской инквизиціи, пытки и процессы о вѣдьмахъ нашли себѣ полнѣйшее подобіе въ этомъ французскомъ наказаніи“. Таковъ приговоръ нѣмецкаго юриста, возмущеннаго французской каторгою. Каторга, какъ уголовная мѣра, всегда сопровождалась мученіями подвергнутыхъ ей преступниковъ, всегда она примѣнялась, какъ средство устрашенія, а не исправленія. Возьмемъ-ли мы Тулонъ или Бермудскіе о-ва, куда ссылаетъ теперь Англія своихъ преступниковъ, возьмемъ-ли мы каторжныя работы въ рудникахъ, гаваняхъ или крѣпостяхъ, — мы увидимъ одно и то-же стремленіе сдѣлать наказаніе болѣе тяжкимъ, болѣе устрашительнымъ. Причина лежала не въ приемахъ наказанія, не въ злоупотребленіяхъ, а въ самой сущности „каторги“ какъ наказанія, въ самомъ принципѣ устрашенія и въ принципѣ воздаянія за вину. Осуществленіе того-же принципа устрашенія проявлялось не на одной каторгѣ, но и въ большинствѣ тюремъ. Какъ онъ осуществлялся въ венеціанскихъ свинчаткахъ, въ средневѣковыхъ подземельяхъ, такъ осуществляется и въ современныхъ рачительно устроенныхъ пенитенціаріяхъ. Роскошный Пентавилль, опрятный Моабиль съ ихъ нравственными истязаніями духа —

произведенія той-же теоріи устрашенія и возмездія. И всякая система, какъ-бы она ни была по виду гуманна, гдѣ только будутъ существовать физическія и нравственныя страданія человѣка, будетъ олицетвореніемъ уголовной теоріи устрашенія и возмездія. Грубыхъ мотивовъ наказанія нельзя замаскировать никакими величественными тюремными палацо.

Юристы-теоретики и практики держатся за отжившую теорію устрашенія, за необходимость примѣрности наказанія главнымъ образомъ потому, что, по ихъ мнѣнію, съ отмѣною *чувствительныхъ* наказаній водворится въ обществѣ совершенная *безнаказанность*, т.-е. побужденіе дѣлать зло кому вздумается. Точно такое-же опасеніе возбуждаютъ у нихъ и всѣ доводы положительной науки объ участи самого общества и его соціальныхъ недостатковъ въ дѣлѣ развитія преступленій. Но ихъ опасенія неосновательны. Новѣйшая юридическая наука, указывая на тѣ соціальныя условія и причины, которыя развивали преступленія, вмѣстѣ съ тѣмъ, указывала и на средства, которыми можно-бы было предупредить развитіе преступленій. Что же касается до отмѣны страданій въ самихъ наказаніяхъ, то юридическая наука, требуя ихъ, тѣмъ самымъ нисколько не отнимаетъ правъ у общества ограждать себя отъ опасныхъ для него субъектовъ. Желая отмѣны страданій въ самихъ наказаніяхъ, какъ вредящихъ исправленію личности, новая наука ставитъ теорію исправленія преступника на болѣе рачіональныхъ началахъ, и основываетъ свои выводы не на однихъ умозрѣніяхъ, но также и на опытахъ новыхъ исправительныхъ системъ. Эти опыты ясно указываютъ, что наказаніе, какъ предупрежденіе преступленій и огражденіе общества, можетъ совершаться и безъ суровыхъ средствъ насилія и истязаній. Какой видъ должно принять наказаніе по современнымъ взглядамъ и по выводамъ положительной науки, будетъ мною уяснено въ слѣдующей статьѣ, а теперь я ограничусь указаніемъ, что старыя разсмотрѣнные нами мотивы наказанія не получаютъ ни малѣйшаго оправданія въ современной жизни и опасенія юристовъ за гибель человѣчества съ отмѣною суровыхъ наказаній совершенно напрасны. Теорія страданій, въ силу историческаго порядка вещей и непреложнаго закона человѣческаго прогресса, стремящагося искоренить все жестокое и

вредное для личности, въ жизни должна будетъ непременно пасть и окончательно падеть въ скоромъ времени.

III.

Если различные предразсудки и заблужденія, усвоенные въ первые вѣка жизни человѣческихъ обществъ, мѣшали быстрѣйшему развитію прогресса въ дѣлѣ смягченія наказаній, то страсти, возбуждаемыя какими-либо событіями, часто заставляли общества отступать и отъ тѣхъ ничтожныхъ успѣховъ, которые они дѣлали ранѣе въ улучшеніи системы наказаній. Этотъ регрессъ обнаруживался въ эпохи особеннаго возбужденія, въ эпохи войнъ или внутреннихъ неурядиць, когда терялось всякое спокойное обсужденіе факта, людьми руководили болѣе дурные инстинкты, и страсти доводили ихъ до того, что они попирали законы справедливости. Нерѣдко подъ вліяніемъ подобныхъ-же страстей дѣйствовали и правительства;—тогда ихъ дѣйствія становились пристрастными, жестокими, и всегда сопровождались возвращеніемъ къ старымъ наказаніямъ и приданіемъ имъ большей суровости. Примѣры такихъ отступленій въ дѣлѣ наказаній до послѣдняго времени встрѣчаются въ исторіи европейскихъ народовъ. Разительные примѣры вліянія различныхъ формъ правленія и различныхъ политическихъ партій на измѣненіе наказаній представляютъ отмѣна и возобновленіе смертной казни въ различныхъ государствахъ Европы.

Мы говорили, что въ Тосканѣ, въ 1786 г. императоръ Леопольдъ отмѣнилъ смертную казнь, какъ бесполезную, жестокую и вполне несостоятельную для цѣлей устрашенія. Но достаточно было нѣсколькихъ политическихъ волненій внутри страны, чтобы въ 1798 году тайные враги реформъ нашли отличный предлогъ побудить императора снова ввести смертную казнь; они представили ему всевозможныя опасности для общества, если смертная казнь не будетъ восстановлена. При Іосифѣ II смертная казнь совершенно выходитъ изъ употребленія въ Австріи (законъ 2 апрѣля 1787 г.), но съ 1796 г. Францъ II снова вводитъ ее, какъ наказаніе за государственную измѣну. Меттерниховская реакція

послѣ 1814 года ознаменовывается усиленіемъ казней. Въ 1848 году, подѣ влияніемъ развитія въ Германіи идей свободы и національной независимости, смертная казнь совершенно отмѣняется на франкфуртскомъ сеймѣ. Старыя партіи сперва дѣлаютъ уступку либеральнымъ требованіямъ, но въ послѣдующіе годы, собравшись съ силами и успѣвши окрѣпнуть, снова начинаютъ сильнѣйшую реакцію въ видѣ мести либеральной партіи, причемъ вводятъ и смертную казнь. Усиленіе наказаній съ 1848 г. особенно замѣтно въ Пруссіи. Въ 1848 г. здѣсь не было ни одной казни, въ 1849 было 3, но въ 1851 г. слѣдуетъ уже 60 приговоровъ и 19 изъ нихъ исполняется, въ 1852 г. совершается 14 казней, въ 1854 г.—20, и въ 1856 г.—26 казней! Послѣ этого года, хотя число казней нѣсколько уменьшилось, но палаты, какъ видно, желаютъ удержать ее: при послѣднемъ обсужденіи вопроса о смертной казни въ сѣверо-германскомъ парламентѣ, смертная казнь по прежнему оставлена въ германскомъ кодексѣ.

Еще большій регрессъ въ вопросѣ смягченія наказанія и постоянныя колебанія показала Франція. При военномъ управленіи Наполеона I казнь назначалась за 36 родовъ преступленій. При Люи-Филиппѣ, который лично не былъ сторонникомъ смертной казни, она значительно уменьшилась. Въ 1832 г. Люи-Филиппъ, пользуясь правомъ помилованія, значительно ограничиваетъ кругъ казней, и число приговоровъ нисходитъ до 31 въ годъ. Пятой статьёй конституціи 1848 г. смертная казнь отмѣнена за всѣ политическія преступленія. Но когда президентомъ республики сдѣлался извѣстный авантюристъ, нанесшій столько несчастій Франціи, смертная казнь снова вводится съ 1851 г. Захвативши власть въ ночь на 2 декабря, Наполеонъ III, какъ великій узурпаторъ, не останавливающийся ни передъ чѣмъ, съ этихъ поръ начинаетъ казнями и ссылками упрочивать свою власть. Въ 1854 г. онъ утверждаетъ 79 приговоровъ, въ послѣдующіе года число казненныхъ во Франціи доходитъ до 37 въ годъ. Однакожъ и Наполеонъ нашелся вынужденнымъ дѣлать уступки общественному мнѣнію, заявлявшему себя противъ смертной казни, поэтому онъ замѣняетъ смертную казнь смертельной ссылкой въ Гвинею и Кайену, и посылаетъ туда сотнями своихъ политическихъ противниковъ. Беззаконнымъ декретомъ отъ 30 мая 1854 г. онъ закрѣпляетъ тамъ всѣхъ сосланныхъ на срокъ.

„Даже во времена самыхъ безумныхъ тирановъ временъ римской имперіи не прибѣгали къ наказанію, сопровождавшемуся такими ужасными послѣдствіями, какъ ссылка въ Кайену“, говоритъ Гольцендорфъ. И это страшное наказаніе весьма часто примѣнялось во Франціи до послѣдняго времени. Оставленное на время послѣ седанской катастрофы, оно снова назначается защитникамъ парижской комунны, которыхъ ссылаютъ теперь сотнями. Но не только во Франціи, вынесшей двадцатилѣтнее господство бонапартистовъ, даже въ свободной Англіи политическія страсти играли первенствующую роль въ вопросѣ о назначеніи наказаній; пристрастные и жестокіе судебные приговоры въ Ирландіи служатъ тому разительнымъ доказательствомъ. Въ 1845 г. число смертныхъ приговоровъ доходило здѣсь до 13. Но въ 1848 г., во время агитации Ирландіи въ защиту своихъ политическихъ правъ, казни усилились, и такъ шло до 1851 г., когда онѣ снова уменьшились. Феніанское движеніе опять заставило Англію прибѣгнуть къ казнямъ по политическимъ процессамъ для подавленія гражданскихъ стремленій. Англія не постыдилась прибѣгнуть къ этому жалкому средству и даже унизилась до отмѣны важнѣйшей статьи своей конституціи (Habeas Corpus) относительно своихъ ирландскихъ согражданъ. Не одинъ патріотъ за слишкомъ горячую любовь къ своей родинѣ поплатился въ это время эшафотомъ или каторгою. Съ грустью приходится читать, напримеръ, что въ странѣ обладающей высокимъ гражданскимъ развитіемъ встрѣчаются такіе факты, какъ жестокое преслѣдованіе редактора ирландской газеты Одонована Росса, сосланнаго въ каторгу и даже подвергнутаго тамъ наказанію плетью, какъ недавно о томъ публиковали въ англійскихъ газетахъ друзья Росса. Слѣдовательно даже и такія европейскія правительства, въ порывѣ страсти и подъ вліяніемъ страха, хватаются за старыя способы насилія и казни, забывая ихъ несостоятельность, несправедливость и жестокость, отвергнутые въ принципъ и еще недавно непризнаваемые ихъ-же собственными законами.

Примѣненіе казней, какъ и возвращеніе къ нимъ послѣ ихъ отмѣны, не могли не отражаться самыми дурными послѣдствіями на самомъ развитіи народовъ. Желаніе держать народъ въ уздѣ суровыми и жестокими наказаніями не только его не сдерживало, напротивъ, чѣмъ жесточе были казни, тѣмъ силь-

нѣе проявлялось сопротивленіе, и если на время народъ въ ужасѣ молчалъ и прятался, то рано или поздно накипѣвшая злоба прорывалась и онъ мстилъ самымъ страшнымъ образомъ. Многіе удивляются ужасамъ первой французской революціи и негодуютъ на людей, руководившихъ въ то время массами. Дѣйствительно многіе факты ужасны, но является вопросъ: почему-же революція заявила себя ими? Кто подготовилъ эту суровость и откуда появились столь грубые инстинкты? На это мы предоставимъ отвѣчать историку, котораго, по умѣренности взглядовъ, едва-ли можно упрекнуть въ пристрастіи къ первой французской революціи. „Противъ старой французской монархіи, говоритъ Маколей, — можно почерпнуть болѣе сильные доводы изъ „*noyades*“ и „*fusillades*“, совершаемыхъ дѣятелями революціи, чѣмъ изъ Бастилии и *parc-aux-cerfs*. Степень насилія революціи пропорціональна степени дурного управленія, породившаго эту революцію — мы считаемъ это правиломъ неимѣющимъ исключеній. Отчего французская революція была столь разрушительною? Отчего наша англійская революція 1641 г. была сравнительно кроткою? Отчего наша революція 1688 года была еще кротче? Отчего американская революція, если ее разсматривать какъ внутреннее движеніе, была самою кроткою изъ всѣхъ? Вотъ очевидное и полное разрѣшеніе задачи: — англичане при Іаковѣ I и Карлѣ I терпѣли меньше угнетеній, чѣмъ французы при Людовикѣ XV и Людовикѣ XVI. Англичанъ еще меньше угнетали послѣ реставраціи, чѣмъ предъ ихъ первой революціей. А Америка при Георгѣ II и при Георгѣ III терпѣла меньше угнетеній, чѣмъ Англія при Стюартахъ. Противодѣйствіе какъ разъ было пропорціонально угнетенію, месть — вызову *)“. Такимъ образомъ сила возстаній всегда обуславливалась тѣми репрессивными мѣрами, которыя принимались ранѣе противъ народа, также какъ проявленіе народныхъ инстинктовъ было выраженіемъ нравовъ, подготовленныхъ прежней историческою жизнью. Если мы возьмемъ положеніе крестьянства и вообще черни въ вѣкъ Людовика XV и Людовика XVI, мы увидимъ толпу рабскаго и угнетеннаго народа, паріевъ, подавленныхъ бѣдностью, голодомъ и невѣжествомъ, огрубленныхъ вѣковыми жестокими наказаніями; мы увидимъ крестьянство и вообще рабочій классъ

*) Маколей, т. 2, стр. 128, 129.

доведенный въ своемъ униженіи до потери человѣческаго образа, обезсмысленный и загрѣбленный до того, что „они походили скорѣе на стада дикихъ животныхъ“, по выраженію историка французскаго крестьянства Бонмера. И тогда мы поймемъ, что самая жестокость нравовъ была подготовлена здѣсь цѣлыми вѣками страданій и униженія и не могла иначе проявиться въ минуты раздраженія, какъ только звѣрскими инстинктами. Странно было бы отъ человѣка, который вѣчно страдалъ отъ притѣсненій и жестокости другихъ людей, требовать гуманности и снисхожденія. Чѣмъ болѣе народъ испытывалъ тяжести, чѣмъ грубѣе съ нимъ обращались, тѣмъ нравы его становились жесточе, а проявленія страстей ужаснѣе. Стоитъ вспомнить жагерію (возстаніе крестьянъ во Франціи), крестьянскую войну въ Германіи, возстаніе Вандей въ 1792 году; стоитъ вспомнить русскую пугачевщину, которая въ своихъ ужасныхъ и кровавыхъ проявленіяхъ отразила нравы русскаго престонородья XVIII вѣка, закаленнаго въ угнетеніяхъ крѣпостного права, въ пыткахъ и въ тѣлесныхъ наказаніяхъ. Подобные взрывы, подобные ужасы и жестокости обнаруживались вездѣ, гдѣ народъ переносилъ много лишеній, физическихъ страданій, гдѣ употреблялись противъ него суровыя наказанія и гдѣ онъ воспитывался въ невѣжествѣ. Европейскіе буржуазные публицисты постоянно страшатся возстанія грубыхъ рабочихъ массъ, которыя могутъ угрожать европейской цивилизаціи,—но кто-же виноватъ, что эти массы до сихъ поръ не пользовались выгодами этой цивилизаціи, что ихъ держали въ темнотѣ, что онѣ не знали утѣхъ жизни, что на ихъ жалобы и требованія не обращалось никакого вниманія? Кто-же виноватъ, что цивилизація не смягчила этихъ людей, не гуманизировала ихъ и не научила ихъ уважать себя?

Еще опаснѣе примѣненіе суровыхъ казней и возвращеніе къ нимъ въ моменты народныхъ и политическихъ волненій, когда недовольство противъ правительства и безъ того сильно. Въ этомъ случаѣ суровое преслѣдованіе поселяетъ только сильнѣйшее недовольство, усиливаетъ раздраженіе и разжигаетъ страсти. Къ сожалѣнію, многія европейскія правительства при каждомъ сильномъ политическомъ движеніи народа, имѣющемъ хотя нѣсколько оппозиціонный характеръ, воздвигаютъ рядъ гоненій, производятъ сильнѣйшую реакцію, вводятъ старыя устрашающія наказанія,

мстятъ своимъ врагамъ, устраиваютъ пристрастные суды и тѣмъ роняютъ окончательно свою популярность. Жестокія казни и репрессивныя мѣры, принимаемыя для подавленія свободы свободолюбиваго народа, приводятъ обыкновенно къ паденію правительства. Такой конецъ давно предсказалъ, на примѣръ, Гольцендорфъ Наполеону III за его ссылки въ Кайену. „Ошибки, промахи, политическая безтактность и упорство, съ которымъ прежнія династіи во Франціи держались за старый порядокъ, говоритъ Гольцендорфъ, стоили имъ короны. Такъ-какъ прошедшее служить масштабомъ для будущаго, то отъ генія французской исторіи можно ожидать, что онъ нѣкогда потребуеть еще болѣе суроваго отвѣта за судьбу тѣхъ несчастныхъ, которые были подвергнуты безъ судебного приговора противозаконнымъ и безчестящимъ самымъ смыслъ наказанія, страданіямъ въ Кайенѣ *)“.

Предсказаніе это совершилось предъ нашими глазами въ 1871 г. позорнымъ паденіемъ Наполеона III. Таковы результаты возвращенія къ угнетенію и къ старымъ системамъ устрашительныхъ наказаній, съ цѣлію остановить естественный ходъ человѣческаго прогресса, основаннаго на гуманности. Никакая сила не можетъ остановить его и всякія попытки въ этомъ отношеніи непремѣнно оканчиваются катастрофами, подобными седанской.

Но если суровыя и несправедливыя наказанія способствовали отчасти паденію правительствъ и ожесточенію нравовъ народа, которое постоянно обнаруживалось при прежнихъ взрывахъ народныхъ страстей, то успѣхи цивилизаціи и смягченіе наказаній не могли не повліять, наоборотъ, на смягченіе нравовъ. Послѣдующія революціи въ XIX столѣтіи совершаются съ меньшею жестокостью, чѣмъ первая французская, и торжествующія партіи свободы поступаютъ гуманнѣе съ своими противниками, чѣмъ послѣдніе поступали съ ними. Это отсутствіе жестокой мести и кровавой расправы съ побѣжденными врагами объясняется въ прогрессивныхъ партіяхъ уваженіемъ къ собственному достоинству и внутреннимъ отвращеніемъ къ жестокостямъ, которыхъ не можетъ выносить развитое чувство. Въ томъ-то и состоитъ истинный духъ гуманности. Слѣдующія француз-

(*) Исторія ссылки, Гольцендорфа, «Staats-Lexikon».

скія революціи уже не повторяли ужасовъ 1790—93 годовъ, главнымъ образомъ потому, что послѣ сверженія феодализма самыя нравы народа сдѣлались мягче. „Если мы сравнимъ настоящее положеніе Франціи, пишетъ Маколей въ 1832 г.,—съ положеніемъ ея 40 лѣтъ назадъ, то мы найдемъ, что произошла огромная переменѣна къ лучшему. И это потому, что французъ 1832 г. гораздо лучше управляется, чѣмъ французъ 1789 г., ему уже не приходится раздражаться стѣнительными привилегіями, которыми, въ ущербъ другихъ, пользуется какая-нибудь отдѣльная каста; онъ нѣсколько привыкъ разсуждать о политическихъ вопросахъ и отправлять политическія должности; онъ прожилъ 17 или 18 лѣтъ при дѣйствіи учреждений, хотя и полныхъ недостатковъ, но далеко лучшихъ, чѣмъ всѣ учрежденія, существовавшія прежде во Франціи“. Поэтому вторая революція 1830 года была уже гораздо мягче первой революціи, и въ доказательство этого Маколей приводитъ характеристичное сравненіе участи Людовика XVI съ судьбою Карла X. „Людовикъ XVI сдѣлалъ значительныя добровольныя уступки народу и былъ отвѣденъ имъ на эшафотъ. Карлъ X нарушалъ основныя законы государства, и жестоко каралъ своихъ подданныхъ за то, что они не хотѣли смиренно подчиниться постановленіямъ, вытекавшимъ изъ нарушенія имъ основныхъ законовъ. Произошло возстаніе, Карлъ X былъ побѣжденъ. Мостовыя Парижа были еще превращены въ кучи баррикадъ; госпитали наполнены ранеными; мертвыя тѣла не были еще зарыты въ землю; множество семействъ было въ траурѣ; сотни тысячъ гражданъ стояли подъ ружьемъ. Но побѣдители не тронули ни одного волоса съ головы побѣжденнаго. Въ первую революцію жертвы отправлялись цѣлыми десятками на казнь за самыя ничтожныя проступки, по ничѣмъ недоказанному обвиненію, или по свидѣтельству людей, нестоющихъ вѣры, данному предъ пристрастными судилищами. Послѣ второй революціи, министры, подписавшіе противозаконныя указы, вина которыхъ подтверждалась самыми ясными доказательствами—наказывались только заключеніемъ въ темницу“ *). Революція 1830 г. была менѣе кровопролитна, чѣмъ первая. Революція 1848 г. точно также гораздо мягче революціи 1789 года. Луи-Филиппъ не подвергаетъ

*) Маколей, т. II, ст. 129, 130.

ся ни малѣйшей опасности, и въ то время, когда въ городѣ раздаются еще выстрѣлы и идетъ сраженіе, онъ совершенно безопасно уѣзжаетъ изъ Парижа. Послѣ 24 февраля, когда народъ восторжествовалъ побѣду, не видно ни неистовой мести, ни грабежа. „Смерть вора́мъ!“ пишетъ народъ на воротахъ Тюильери, когда дворецъ наполнился народомъ. „Мы показали, что не должно обращаться дурно съ народомъ, покажемъ-же, что народъ умѣетъ уважать памятники и свою побѣду!“ говоритъ одинъ работникъ въ ратушѣ горячимъ товарищамъ. На улицахъ не видно было ни кровавой мести, ни насидія, ни убійствъ. Побѣдители, радуясь своей побѣдѣ, радуясь торжеству свободы, повидимому, забыли всѣ обиды, которыя побудили ихъ возстать. Ихъ въ то время воодушевлялъ духъ высокаго и благороднаго гуманизма, воодушевляло желаніе блага всѣмъ безъ различія—и побѣдителямъ, и побѣжденнымъ. Но вотъ послѣдовала реакція, вызвавшая военную диктатуру Кавеньяка въ іюнѣ 1848 г. и бонапартистскую вторую имперію Наполеона III—реакція тяжелая и жестокая. Но чтоже? Несмотря на глубокія раны, нанесенныя Наполеономъ III французскому народу, революція 4 сентября 1870 г. совершилась еще спокойнѣе, чѣмъ всѣ прежнія революціи; народъ явился мирно съ своими заявленіями въ національное собраніе и революція окончена. Регентша спокойно выѣзжаетъ изъ дворца, бонапартовскіе министры, еще наканунѣ проектировавшіе новыя казни и ссылки, остаются нетронутыми. На улицахъ не пролито ни одной капли крови. Этотъ историческій метаморфозъ современныхъ революцій замѣчается многими европейскими публицистами. Болѣе спокойный и мирный характеръ переворотовъ въ XIX столѣтіи мы замѣчаемъ не въ одной Франціи. Нѣмецкія бюргерскія революціи еще спокойнѣе французскихъ. Достаточно припомнить ихъ мирный характеръ по разсказамъ Шерра. „О какой это спокойный народъ, какой это добрый и мирный народъ, ну какъ ему не дать конституцію!“ восклицаетъ австрійскій императоръ въ разгарѣ этихъ *волнений*. Тотъ-же видъ представляла и прусская революція 1848 года, когда король Вильгельмъ, нынѣ могущественный императоръ, умолялъ народъ не шумѣть именемъ королевы, которая несовсѣмъ здорова и лежитъ въ постели, а народъ чинно пилъ пиво и разгуливалъ весело на улицахъ, какъ на праздникѣ. Но переходъ революцій отъ бунта къ мир-

ной агитаціи всего замѣтнѣе въ Англіи. Такъ, напримѣръ, „великая реформа въ палатѣ общинъ въ 1832 г., по своей важности, по словамъ Маколей, можетъ быть легко названа революціей. И эта революція была рѣшена однимъ парламентскимъ актомъ, который былъ по всѣмъ правиламъ внесенъ, прочитанъ, переданъ комитету и изданъ. Ни малѣйшаго насилія, ни одинъ мечъ не былъ обнаженъ, ни одно имѣніе не было конфисковано, ни одно семейство не было принуждено эмигрировать и барометръ биржи даже не поколебался“. Такъ характеризуетъ Маколей это движеніе. Развитие реформъ такимъ путемъ уже не рѣдкость. Въ прогрессивныхъ обществахъ, — какъ въ Англіи, въ Соединенныхъ Штатахъ, Швейцаріи они совершаются путемъ мирныхъ агитацій, путемъ митинговъ, обширныхъ лигъ, и наконецъ избирательнымъ путемъ, безъ всякихъ безпорядковъ, насилій и преслѣдованій. Чему-же должно приписать умѣренность и человѣколюбіе, которыя характеризуютъ въ нынѣшнемъ столѣтіи европейскіе перевороты? „Это человѣколюбіе, эта умѣренность въ Англіи, отвѣчаетъ Маколей, есть плоды полутора ста лѣтъ свободы. Въ теченіи ряда поколѣній у насъ были законодательныя собранія, въ которыхъ, при всѣхъ ихъ недостаткахъ, участвовало однако много представителей народа. Въ теченіи ряда поколѣній здѣсь былъ судъ присяжныхъ, Habeas corpus, свобода печати, право свободныхъ сходовъ и собраній, право юстиціи и проч.“¹⁾ Англійское правительство постоянно готово на уступки народу и въ этомъ заключается тайна мирныхъ переворотовъ въ этой странѣ. Соединенные Штаты сѣверной Америки и Швейцарія, при своемъ самоуправленіи, точно также гарантированы въ отношеніи внутренняго спокойствія. Своимъ спокойствіемъ, отсутствіемъ сильныхъ волненій и революцій они, безъ сомнѣнія, обязаны болѣе всего тому, что у нихъ давно уже нѣтъ мѣста ожесточеннымъ реакціямъ и суровымъ политическимъ преслѣдованіямъ. Подъ вліяніемъ свободы, нравы народа въ этихъ странахъ смягчились, гуманизировались; и это смягченіе нравовъ совершалось путемъ отміны жестокихъ наказаній, уничтоженіемъ всякихъ ненужныхъ стѣсненій, улучшеніемъ матерьяльнаго положенія низшихъ классовъ и развитіемъ

*) Маколей, ч. II, Мирабо. 133.

въ нихъ образованія. Люди неиспытавшіе насилія не будутъ сами употреблять его; отучившись отъ страданій, они будутъ чувствовать отвращеніе наносить ихъ другимъ. Это внутреннее перерожденіе чловѣка есть лучшая гарантія для личнаго и общественнаго счастія.

Какъ подъ вліяніемъ притѣсненій и суровыхъ казней въ древнее время формировались грубость и ожесточеніе, угрожавшія катастрофами, звѣрствомъ и жестокостью въ самой внутренней жизни общества и семейства, такъ съ распространеніемъ цивилизаціи, съ отмѣною суровыхъ наказаній и казней, исчезаетъ грубость и болѣе обезпечивается миръ, спокойствіе и любовь въ чловѣческихъ отношеніяхъ. Этотъ великій законъ новѣйшей цивилизаціи не мѣшало-бы ввести, какъ элементарное правило, въ науку уголовного права.

Н. Ядринцевъ.